

ББК 91.9:63.3

П 42

Повернення творчої спадщини М.О. Корфа. Спогади. Бібліографічні розвідки / Упр. культури Донец. обл. держ. адмін.; Донец. обл. краєзн. музей; Донец. ОУНБ ім. Н.К. Крупської; Мемор. музей Вол.І. Немировича-Данченка; Великоновоселк. центр. район. б-ка; Упоряд., авт. передмов та вступ. ст. Бугайов О.С.; Коментар, покажчики Ляшенко Л.І.; Укладачі бібліогр. покажч. Бугайова Н.Г., Дрьомова Т.М.; Наук. ред. Башун О.В. – Донецьк: Схід. вид. дім, 2004. – 80 с.

Упорядник, автор передмов та вступної статті до спогадів М.О. Корфа

Бугайов О.С.

Коментар, покажчики

Ляшенко Л.І.

Бібліографічні розвідки

Бугайова Н.Г. за участю
Дрьомової Т.М.

Науковий редактор

Башун О.В., канд. пед. наук.
Ильяшенко Т.В.

Редактор

Полева О.Г.

Наукові консультанти

Денисенко Є.І., засл. працівник
культури України
Новакова Л.О., засл. працівник
культури України

Комп'ютерний набір

Яковенко В.Є.

Дизайн

Мізько О.О.

© ДОКМ

© ДОУНБК

© МН.-Д.

© Вел.-Нов. ЦРБ

ЗМІСТ

ПЕРЕДМОВА	4
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ	5
БАРОН НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОРФ. Посмертные Записки о его жизни	9
ИЗ ПЕРЕЖИТОГО	
Записки барона Н.А. Корфа	12
Глава I	13
Глава II	17
Глава III	26
Глава IV	28
Глава V	36
Глава VI	44
Глава VII	53
КОММЕНТАРИИ	56
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	59
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	63
КОРФ МИКОЛА ОЛЕКСАНДРОВИЧ (1834-1883) БІБЛІОГРАФІЧНИЙ ПОКАЖЧИК (2-е видання, виправлене і доповнене)	65
ПЕРЕДМОВА	65
I. ПРАЦІ М.О. КОРФА	66
II. ЛІТЕРАТУРА ПРО ЖИТТЯ ТА ДІЯЛЬНІСТЬ	69
II.1 КОРФ М.О. – ТВОРЕЦЬ БІБЛІОТЕК	78
III. КОРФІВСЬКІ ЧИТАННЯ	79
ПЕРЕЛІК УСТАНОВ, ДЕ ЗБЕРІГАЮТЬСЯ ДОКУМЕНТИ, НАВЕДЕНІ В ПОКАЖЧИКУ	81

ПЕРЕДМОВА

Діяльність нашого земляка барона М.О. Корфа (1834-1883 рр.) як земського діяча, педагога і просвітника була широко відома на Катеринославщині та за її межами.

Його плідна праця дала життя багатьом початковим школам в Олександрівському та Маріупольському повітах.

Значно менше відомо про те, що перші народні бібліотеки у деяких селах на Маріупольщині також були започатковані М.О. Корфом. В його літературній спадщині багато сторінок присвячено впливу книги на просвіту народу. Прикладом цього є надрукована ним стаття “Народные библиотеки” (1883 р.).

Приділяючи увагу цьому напрямку просвітницької праці М.О. Корфа та намагаючись поширити на Донеччині знання про його творчі здобутки, обласною науковою бібліотекою ім. Н.К. Крупської, меморіальним музеєм Вол.І. Немировича-Данченка у с. Нескучне та Великоновосілківською центральною районною бібліотекою були започатковані у 1998 р. Корфівські бібліотечні читання.

У липні 2004 р. відбудуться ювілейні V Корфівські читання, присвячені 170-річчю з дня народження М.О. Корфа. До цієї ювілейної дати підготовлено видання біографічних записок М.О. Корфа “Из пережитого”, що були надруковані у часописі “Русская старина” у 1884 р., вже після його смерті, і до цього часу не перевидавались.

У другій частині цієї збірки під назвою “Повернення творчої спадщини М.О. Корфа” розміщено бібліографічний покажчик праць М.О. Корфа та літератури про його життя та діяльність, який, сподіваємось, дасть змогу всім тим, кого зацікавить постать М.О. Корфа, знайти необхідні публікації, звертаючись до бібліотек нашої області.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

В 2004 году исполняется 170 лет со дня рождения нашего выдающегося земляка барона Николая Александровича Корфа (1834-1883 гг.). А также – 120 лет со времени первой публикации в 1884 г. в журнале «Русская старина» его воспоминаний.

Предваряя свои воспоминания кратким вступительным словом, Н.А. Корф характеризует себя как человека, «для которого все интересы частной и общественной жизни свелись к вопросу о просвещении и воспитании»¹. И подводя некоторый итог, отмечает: «Многое пережито!... И все это пережито мною в провинции, в глуши доставшегося мне от матушки села в Новороссии, в котором я прожил безвыездно 13 лет, но при непрерывном общении со столицами и при переписке с 250 корреспондентами от Колы до Кутаиса, от Варшавы до Омска...»²

Отмечена автором дата написания – 17 июля 1882 года и место – с. Нескучное (ныне с. Нескучное Великоновоселковского р-на Донецкой области). Указав эту дату, мог ли Н.А. Корф знать о том, что уже через год и четыре месяца он завершит свой жизненный путь?

Редактор «Русской старины», назвав воспоминания Н.А. Корфа «Посмертными записками», отмечал, что «покойный барон Н.А. Корф принадлежит к тому, весьма немногочисленному у нас, разряду людей, которые предпочли выгоды блестящей служебной карьеры несравненно более скромной педагогической деятельности и посвятили все свое дарование, все свои силы делу служения народному образованию»³.

Н.А. Корфу не суждено было завершить свои воспоминания. Поэтому есть необходимость к начальным главам его воспоминаний прибавить сведения из многих сочинений Н.А. Корфа, материалов Александровского и Мариупольского земских собраний, биографических и других статей о нем, чтобы сложился более полный портрет нашего замечательного земляка, о котором в «Антологии педагогической мысли Украинской ССР» сказано: «Н.А. Корф был не просто организатором начальных школ Александровского уезда Екатеринославской губернии, это был ученый-педагог, стоявший на уровне достижений европейской и мировой науки своего времени»⁴.

Как известно, Н.А. Корф принадлежал к знатному роду баронов Корф. К той его ветви, из которой происходили Иоганн-Альбрехт Корф – директор российской Академии наук (1734-1740) и граф Модест Андреевич Корф (1800-1872 гг.) – государственный деятель и директор С.-Петербургской публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (1849-1861 гг.)⁵.

При жизни Н.А. Корфа нескученская усадьба стала притягательным местом благодаря его неутомимой деятельности и как земского гласного, и как

¹ Записки барона Н.А. Корфа. Гл. I-IV. – «Русская старина», 1884 г., март, с. 549.

² Там же, с. 548.

³ Там же, с. 545.

⁴ Антология педагогической мысли Украинской ССР / Сост. Н.П. Калениченко. – М.: Педагогика, 1988. – С. 189.

⁵ Энциклопедический словарь / Изд.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1895. – Кн. 31, Т. 16. – С. 355-356.

прекрасного организатора народной школы, и как автора многочисленных публицистических статей, сочинений на педагогические темы, учебников и методических пособий. И как общественный деятель, он активно участвовал в постановке и разрешении многих вопросов местного самоуправления. При этом он не позволял превратить общественные земские фонды в тот лакомый пирог, от которого можно отхватить побольше лично себе. И среди земских деятелей был примером бескорыстного вложения, в том числе и личных финансовых средств, в развитие народной школы.

Вероятно, по этой причине реакционно настроенные землевладельцы Александровского уезда не выбрали его, говоря современным языком, депутатом на очередной срок. И в 1872 г. Н.А. Корф, получивший моральный удар, выехал из Нескучного в Швейцарию, где он 8 лет жил с семьей и продолжал активно заниматься делом народного образования, не порывая связи с Родиной.

После возвращения в 1880 г. в свою нескучненскую усадьбу и, продолжая плодотворно трудиться на пользу просвещения, Н.А. Корфу пришлось пережить еще одну травлю, организованную против него в печати. Это было связано с тем, что московская городская управа предложила ему баллотироваться на вакантную должность заведующего местными народными училищами.

Пережитые нервные потрясения сильно подорвали его здоровье. И как пишет М.Л. Песковский в наиболее подробной биографии Н.А. Корфа: «13 ноября 1883 г. он умер в Харькове на руках любимой супруги «от окончательного истощения жизненных сил», как определили врачи. 15 ноября состоялось погребение при громадном стечении высшей и низшей учащей и учащейся братии»⁶.

При жизни Н.А. Корфа его успешная деятельность была отмечена золотой медалью Петербургского комитета грамотности. Он был избран в 1870 г. почетным членом Петербургского педагогического общества, а затем и Московского комитета грамотности и Московского университета. А в период пребывания за рубежом также был избран почетным членом Женевской академии наук.

И сегодня есть зримый памятник Н.А. Корфу – это его Дом и нескучненская усадьба вместе с лесопарком, посаженным им и нескучненскими крестьянами на берегу реки Мокрые Ялы. Постановлением Кабинета Министров Украины в 1992 г. Усадьба внесена в «Державний реєстр національного культурного надбання» и является Памятником истории и культуры.

В Доме Н.А. Корфа после его смерти около 30 лет жил с семьей и творил его зять – выдающийся театральный деятель Вл.И. Немирович-Данченко. В этот период, а точнее в 1895 г. у въезда в усадьбу было построено еще одно здание, сохранившееся до наших дней. Это здание школы «Памяти ревнителя народного образования барона Н.А. Корфа», которое было возведено

---

⁶ Песковский М.Л. Барон Н.А. Корф. Его жизнь и общественная деятельность. – СПб., 1893.

Мариупольским земством при участии семьи Вл.И. Немировича-Данченко. Здания эти сегодня живы и нуждаются в капитальном ремонте и реставрации (это тема острая и требует отдельного разговора).

С 1992 г. решением Донецкого облисполкома в усадебном Доме открыт мемориальный музей Вл.И. Немировича-Данченко как отдел Донецкого областного краеведческого музея. В постоянной экспозиции музея отражена в фотографиях, документах, книгах и других экспонатах самоотверженная деятельность барона Н.А. Корфа во благо просвещения народа.

Насколько нам известно, воспоминания Н.А. Корфа «Из пережитого» после опубликования их в 1884 г. в других изданиях на Украине не печатались. Многочисленные сочинения Н.А. Корфа после революции 1917 г. также не переиздавались. Существующие издания его трудов хранятся в крупных библиотеках, архивах Киева, Харькова, Одессы, Днепропетровска, Запорожья. Поэтому для изучения деятельности Н.А. Корфа исследователям, живущим в нашей области, доступ к этим изданиям затруднен.

В связи с этим, Донецкий областной краеведческий музей и его отдел – мемориальный музей Вл.И. Немировича-Данченко в с. Нескучное совместно с Донецкой областной научной библиотекой им. Н.К. Крупской издадут биографические записки Н.А. Корфа «Из пережитого» как документ, свидетельствующий о становлении его личности. Текст записок приведен в том виде, в каком он был опубликован в журнале «Русская старина».

В 2004 году пройдут юбилейные V областные библиотечные Корфовские чтения. Поэтому особенностью нашего издания записок, приуроченного к юбилею, является то, что вторая часть его состоит из библиографического указателя сочинений Н.А. Корфа и литературы о его жизни и деятельности. Он подготовлен Великоновоселковской центральной районной библиотекой совместно с областной научной библиотекой им. Н.К. Крупской.

Кроме того, записки снабжены комментариями, алфавитным и географическим указателями, составленными мемориальным музеем Вл.И. Немировича-Данченко и дополнены иллюстрациями из фондов нескучненского музея. Все это вместе взятое, надеемся, расширит знания о жизни и деятельности нашего известного в педагогических кругах земляка Н.А. Корфа.

Пользуясь возможностью, выражаем нашу благодарность управлению культуры Донецкой областной госадминистрации, Национальной библиотеке Украины им. В.И. Вернадского, Государственной исторической библиотеке Украины, Государственным архивам Запорожской и Харьковской областей, Мариупольскому краеведческому музею за помощь, оказанную нам в сборе материалов о жизни и деятельности Н.А. Корфа и его сочинений.

Также благодарим за организационно-практическую поддержку Учебный центр Донецкого облсовета профсоюзов, Великоновоселковский филиал Облавтодора, Донецкий духовно-культурный центр «Орифламма», редакцию газеты «Сельский край» Великоновоселковского района, Захарову О.Д., Василенко А.С. (г. Донецк), Пачу В.С. и Алябьеву Э.Р. (г. Запорожье), Зайцеву

Е.Н. (г. Москва), Осадчук М.Л. (г. Винница), Дервиш Г.В., Безверного В.А. (пос. Великая Новоселка).

Особую благодарность выражаем Музею МХАТ (г. Москва), любезно предоставившему копии документов и фотографий Н.А. Корфа из личного архива Вл.И. Немировича-Данченко, профессору школы-студии МХАТ Соловьевой И.Н. за научные консультации по истории нескучненской усадьбы, а также внуку Вл.И. Немировича-Данченко – В.М. Немировичу-Данченко и его семье, передавшим ценные экспонаты, связанные с жизнью Екатерины Николаевны Немирович-Данченко (старшая дочь Н.А. Корфа) – супруги Вл.И. Немировича-Данченко, в мемориальный музей в с. Нескучное.

*А.С. Бугаев, зав. мемориальным музеем
Вл.И. Немировича-Данченко в с. Нескучное.*

БАРОНЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОРФЪ,

род. 2-го іюля 1834 г., † 13 го ноября 1883 г.

Посмертныя Записки о его жизни.

Извѣстный педагогъ-писатель, землевладѣлецъ Екатеринославской губерніи, получившій образованіе въ Александровскомъ лицѣѣ (кончилъ курсъ съ серебряной медалью въ 1854 году), покойный баронъ Н.А. Корфъ принадлежитъ къ тому, весьма немногочисленному у насъ, разряду людей, которые предпочли выгоды блестящей служебной карьеры несравненно болѣе скромной педагогической дѣятельности и посвятили все свое дарованіе, всѣ свои силы дѣлу служенія народному образованію.

Подобная рѣшимость со стороны барона Корфа представляется тѣмъ большею заслугою, что и по времени онъ является однимъ изъ первыхъ борцовъ за устроеніе народно-школьнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ. Конечно, присматриваясь ближе къ этой дѣятельности, нельзя не замѣтить въ ней промаховъ и нѣкоторой односторонности, въ чрезмѣрномъ увлеченіи иноземными образцами, но тѣмъ не менѣе, нельзя не воздать должнаго той энергіи и талантливости, той сердечной любви къ дѣлу, съ какими покойный баронъ Н. А. Корфъ проводилъ въ жизнь и въ общественное сознаніе свои любимыя идеи; должно преклониться предъ тою стойкостью, съ какою онъ, среди многочисленныхъ препятствій, до конца жизни своей, служилъ горячо любимому имъ дѣлу народнаго образованія.

Первое наиболѣе видное проявленіе этой разносторонней и выдающейся дѣятельности относится къ эпохѣ 1860-хъ годовъ, когда великія реформы прошлаго царствованія выдвинули, между прочимъ, на первый планъ и вопросъ о народномъ образованіи. Избранный въ 1866 году въ число гласныхъ Александровскаго уѣзда и познакомясь на мѣстѣ съ земскимъ хозяйствомъ, положеніемъ крестьянъ и вновь народившимися для нихъ нуждами, Н. А. Корфъ, въ слѣдующемъ 1867 году, впервые выступаетъ въ роли вчинателя и энергичнаго устроителя земско-школьнаго дѣла. Знакомый съ положеніемъ народнаго образованія въ Западной Европѣ, горячій поклонникъ нѣмецкой педагогіи, онъ усердно принимается за основаніе народныхъ школъ на «новыхъ началахъ» въ Александровскомъ уѣздѣ, устраиваетъ ихъ по всѣмъ правиламъ современной педагогіи, несмотря на скудныя средства, неустанно хлопочетъ о возбужденіи сочувствія къ новому дѣлу среди земства, учреждаетъ учительскую

семинарію, готовить учителей для земскихъ школъ, руководить учительскими съѣздами, пишетъ отчеты, принимается самъ за составленіе учебниковъ, - словомъ, проявляетъ такую плодотворную, кипучую дѣятельность, что въ скоромъ времени обращаетъ на себя вниманіе печати и общества. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ старательно развиваетъ ту мысль, что педагогія есть наука социальная, въ развитіи и правильной постановкѣ которой заинтересовано все общество. Какъ извѣстно, искреннее увлеченіе барона Н. А. Корфа дѣломъ народнаго образованія, въ связи съ публицистическимъ талантомъ, дѣйствительно, весьма много способствовало развитію въ обществѣ интереса къ этому дѣлу и подготовило для него прочную почву, не только въ Александровскомъ уѣздѣ, но и во многихъ другихъ губерніяхъ, гдѣ земство дѣлало съ своей стороны все возможное, дабы поддержать благое дѣло.

Этотъ періодъ земской дѣятельности является вполнѣ блестящей страницей въ жизни барона Н. А. Корфа и признаніе личныхъ заслугъ его сказалось не только въ сочувствіи и довѣрїи мѣстнаго населенія къ школамъ, имъ устроеннымъ, но также въ цѣломъ рядѣ чествованій, оказанныхъ ему различными учрежденіями. Такъ, въ 1871 году, Московскій университетъ избралъ его своимъ почетнымъ членомъ; въ 1873 году Петербургскій комитетъ грамотности наградиль его золотою медалью за труды по народному образованію.

Но общественная служба повсюду, а въ молодомъ еще русскомъ обществѣ, столь недавно призванномъ къ самодѣятельности, еще того чаще, полна дрязгъ, пошлости, сплетень, которыя всею тяжестью гнетутъ тѣхъ немногихъ еще у насъ лицъ, которыя беззавѣтно, съ полнымъ увлеченіемъ, отдаются служенію общему благу. Вся эта пошлость гнетомъ легла на добраго, умнаго и въ высшей степени полезнаго дѣятеля какъ для мѣстнаго края, такъ и для всей Россіи, какимъ былъ баронъ Н. А. Корфъ.

Испытавъ много горя въ своемъ же родномъ краю, онъ вынужденъ былъ его оставить и уѣхать за границу, въ Швейцарію. Въ Женевѣ онъ устроилъ русскую семейную школу и трудился въ ней съ тою же энергіею и добросовѣстностью, какая отличала всѣ его дѣйствія. Послѣдніе годы своей жизни Н.А.Корфъ провелъ въ своемъ имѣніи, гдѣ и предавался кабинетнымъ трудамъ до тѣхъ поръ, пока жажда общественнаго дѣла вновь его не увлекла: онъ явился въ С.-Петербургъ въ декабрѣ 1881 г. Встрѣченъ былъ здѣсь всѣми интересующимися дѣломъ народнаго образованія съ полнымъ

уваженіємъ. Близко ознакомился съ цѣлою сѣтью превосходно устроенныхъ Городскою Думою училищъ; - онъ былъ рѣшительно въ восторгѣ отъ нихъ и передалъ свои впечатлѣнія и замѣтки въ обширной и интересной статьѣ, явившейся въ «Вѣстникѣ Европы» (іюнь, 1882 г)¹.

Изъ числа педагогическихъ сочиненій Н. А. Корфа наибольшую извѣстностью пользуются слѣдующія: «Руководство къ обученію грамотѣ», «Русская начальная школа», «Нашъ другъ», «Малютка» и нѣкоторыя другія. Кромѣ того покойный помѣстилъ множество статей по вопросамъ педагогическимъ и общественнымъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, а именно въ журналахъ: «Недѣля», «Петербургскія Вѣдомости», «Народная Школа», «Семья и Школа», «Вѣстникъ Европы».

Многія изъ этихъ статей были собраны и отпечатаны впоследствии отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіями: «Земскій вопросъ» и «Наше школьное дѣло».

Всѣ педагогическіе и литературные труды барона Н. А. Корфа имѣли большой успѣхъ, а многіе изъ нихъ (напримѣръ «Нашъ другъ») выдержали 12 изданій.

Вообще каковы бы ни были ихъ достоинства и недостатки какъ произведеній педагогическихъ, но даровитость ихъ автора и его искренняя, пылкая любовь къ дѣлу, повторяемъ еще разъ, даютъ барону Н. А. Корфу неоспоримое право на благодарность современниковъ и на весьма видное мѣсто среди отечественныхъ дѣятелей, посвятившихъ себя дѣлу народнаго образованія.

О.А.

---

1 Къ этому времени относится наше личное знакомство съ барономъ Н. А. Корфомъ, о чемъ мы сохраняемъ самыя пріятныя воспоминанія. Въ обширномъ альбомѣ редакціи «Русской Старины» автографовъ русскихъ дѣятелей (томъ II, стр. 118) нашъ новый знакомый внесъ слѣдующія нынѣ особенно драгоцѣнныя для насъ строки:

«Въ память дорогаго для меня свиданія съ глубоко-уважаемымъ редакторомъ историческаго журнала, на которомъ воспиталась лучшая часть русскаго современнаго общества, вынесшая изъ прошлаго стремленіе впередъ, при любви къ «Русской Старинѣ».

«Баронъ Николай Александровичъ Корфъ». «29-го декабря 1881 года».

Тогда же при нашемъ личномъ свиданіи мы просили бар. Н. А. Корфа приступить къ своей автобіографіи, имѣя въ виду, что рассказъ о пережитомъ и передуманномъ такимъ человѣкомъ весьма полезенъ въ воспитательномъ отношеніи. Онъ не замедлилъ исполнить мою просьбу: присланы были первыя главы этой автобіографіи, которыя мы и представляемъ на страницахъ «Русской Старины», скорбя о томъ, что автора Записокъ уже нѣтъ на свѣтѣ и смолкъ на вѣки одинъ изъ даровитѣйшихъ общественныхъ борцовъ за начальную народную школу, за ея упроченіе и развитіе въ дорогомъ нашемъ отечествѣ.

Ред.

ИЗЪ ПЕРЕЖИТАГО

Записки барона Н.А. Корфа

Сорокъ восемь лѣтъ проживъ на свѣтѣ (1834 – 1882 гг.), уже чувствуешь потребность подвести итогъ своимъ жизненнымъ впечатлѣнїямъ и въ прошломъ искать силъ для будущаго, насколько это послѣднее предстоитъ¹. Окончаніе мною курса въ Императорскомъ Александровскомъ лицѣ совпадаетъ съ началомъ того великаго царствованія, которому суждено было обновить Россію: освобожденіе крестьянъ совершилось на моихъ глазахъ, при чемъ, какъ помѣщикъ, я былъ въ этомъ дѣлѣ заинтересованною стороною; либеральное движеніе въ дворянскихъ собранїяхъ, предшествовавшее введенію земскихъ учреждений, самое осуществленіе земскихъ собраній и управъ, введеніе судебной реформы и положенія о народныхъ училищахъ состоялись при моемъ непосредственномъ посильномъ участіи; помню я также и откупа, и замѣну ихъ нынѣ дѣйствующею акцизною системою; на себѣ испыталъ я предварительную цензуру для столичныхъ газетъ и журналовъ, въ качествѣ сотрудника періодическихъ изданій, и затѣмъ переживалъ послѣдствія законовъ о печати 1866 года, которые считались, при появленіи, временными и первымъ шагомъ къ свободѣ печати. Много пережито!... И все это пережито мною въ провинціи, въ глуши доставшагося мнѣ отъ матушки села въ Новороссіи, въ которомъ я прожилъ безвыѣздно 13 лѣтъ, но при непрерывномъ общеніи со столицами и при перепискѣ съ 250 корреспондентами отъ Колы до Кутаиса, отъ Варшавы до Омска; интереснѣйшія письма ихъ мною сохранены²; но работать приходилось мнѣ не въ одной Россіи: два раза ѣздилъ я на продолжительное время за-границу, а въ Швейцаріи прожилъ я восемь лѣтъ подъ рядъ, не прерывая связи съ русскою печатью и отечествомъ. Много пришлось пережить при такихъ условїяхъ и тѣмъ больше, что мнѣ не было еще двухъ лѣтъ, когда я лишился матери; моложе шести лѣтъ навсегда разстался я съ отческимъ кровомъ, а двадцати-двухъ лѣтъ уже былъ женатъ на М.М. Клевцовой³, съ которою и живемъ, благодареніе Богу, уже двадцать шестой годъ, выростивъ и воспитавъ двухъ дочерей и доживъ до внука отъ старшей.

Какъ найтись и разобраться среди массы самыхъ разнообразныхъ воспоминаній изъ частной и общественной жизни? Послѣднія будутъ несомнѣнно преобладать въ предлагаемыхъ очеркахъ и красною

нитью по нимъ будетъ проходить мое посильное служеніе земскому дѣлу и дѣлу народнаго образованія. Педагогу, который, начиная съ пятнадцатилѣтняго возраста, не проводилъ ни однихъ каникулъ, не обучая какого-нибудь крестьянскаго мальчика, который уже въ лицѣ имѣлъ случай, какъ узнаютъ впослѣдствіи читатели, преподавать одному изъ своихъ товарищей, а позже читать лекціи всеобщей исторіи и педагогіи взрослымъ, преподавать юношеству многіе предметы и давать уроки въ народныхъ школахъ; челоуѣку, для котораго всѣ интересы частной и общественной жизни свелись къ вопросу о просвѣщеніи и воспитаніи, позволять прослѣдить, прежде всего, за тѣмъ, какіе люди и какія обстоятельства повліяли на его собственное воспитаніе и создали въ немъ тѣ принципы и идеалы, благодаря которымъ онъ могъ представить изъ себя почву, хоть сколько-нибудь предуготованную для того благодѣтельнаго и плодотворнаго посѣва, который произведенъ въ Россіи преобразовательною дѣятельностію въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Баронъ Н. А. Корфъ.

17-го іюля 1882 г.

С. Нескучное.

I.

Легко-ли мнѣ дать себѣ отчетъ въ томъ, кто повліялъ на меня въ дѣтствѣ моемъ и въ юности, когда закладываются нравственныя основы на всю жизнь? Нѣтъ, крайне трудно. Вѣдь воспитываетъ не только семья и школа, но вся житейская обстановка. Но попытаемся, насколько это исполнимо, воскресить, въ памяти, людей и мѣстности, подъ вліяніемъ которыхъ складывались мои чувства и убѣжденія. Вызывая минувшіе образы дорогихъ мнѣ людей, я долженъ остановиться, прежде всего, на покойномъ отцѣ⁴, съ которымъ я видѣлся въ послѣдній разъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ, и свѣтлый образъ котораго, тѣмъ не менѣе, стоитъ живымъ предо мною со всѣми мелочными подробностями, даже внѣшней обстановки. Неизгладимыми чертами врѣзалась въ памяти моей его привѣтливѣйшая, открытая, благородная наружность, отражавшая на себѣ необычайную чистоту его души. Помню я и такой вздоръ, что батюшка курилъ въ трубкѣ «Жуковъ табакъ», бывшій въ то время во

всеобщемъ употребленіи, давалъ мнѣ играть своимъ гербовымъ перстнемъ, которымъ и по настоящее время снабжаются остзейскіе дворяне въ день совершеннолѣтія; помню я и то, что покойный отецъ, воспитанный въ «Лицейскомъ пансіонѣ», въ то время еще бывшемъ самостоятельнымъ учебнымъ заведеніемъ, прекрасно владѣлъ двумя иностранными языками и любилъ пользоваться ими, какъ всѣ свѣтскіе люди того времени. Но помню я, кромѣ этихъ мелочей, и многое такое объ отцѣ, что не могло не оставить глубокаго слѣда на мнѣ, его единственномъ сынѣ. Отецъ посадить меня, бывало, къ себѣ на колѣни и, всматриваясь въ меня своими безгранично добрыми глазами, говоритъ: «Коля, кто твой другъ?» – «Ты», отвѣчаю я, бывало. Такъ сиживали мы вдвоемъ, когда мнѣ еще не было шести лѣтъ; когда мы еще жили въ Москвѣ, въ концѣ 1830-хъ годовъ, въ Москвѣ, которую я увидѣлъ взрослымъ только лѣтъ 15 позже и которая до тѣхъ поръ, по воспоминаніямъ ранняго дѣтства, послѣ знакомства съ Петербургомъ, представлялась мнѣ необъятнымъ селомъ съ огромной башней, множествомъ церквей и обиліемъ качель на Пасху. Такъ сиживали мы съ покойнымъ батюшкой и позже, когда мнѣ было уже лѣтъ десять. Время же отъ шестилѣтняго до десятилѣтняго возраста я провелъ въ разлукѣ съ отцемъ, который продолжалъ однако оставаться моимъ единственнымъ другомъ на землѣ: матери своей я не зналъ, но къ памяти ея отецъ счумѣлъ внушить мнѣ самое высокое почитаніе. Помню, что въ домѣ сестры ея, моей тетки, баронессы Т.Т. Корфъ⁵, я впервые увидѣлъ поясной портретъ покойницы матушки, который произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что, заболѣвъ однажды лихорадкою, я, какъ мнѣ затѣмъ рассказывали, бывши семилѣтнимъ ребенкомъ, бредилъ матушкою, ласки которой я не могъ помнить и попеченія которой мнѣ недоставало. Отецъ мой, годъ послѣ смерти моей матери, когда мнѣ не было еще двухъ лѣтъ, вступилъ во второй бракъ и братья отца рассказывали мнѣ, что онъ мотивировалъ этотъ шагъ стремленіемъ къ тому, чтобы я не былъ лишенъ материнскаго ухода; вѣрю этому потому, что мнѣ положительно извѣстно, что невѣста отца, на вопросъ его, какой поднести ей подарокъ, отвѣчала просьбою съѣздить за мною въ Екатеринославъ и привезти меня къ ней въ Москву для того, чтобы она могла сама поднести меня ко святому причастію. Малютку повезли за семьсотъ верстъ; но не минуло мнѣ еще и шести лѣтъ, какъ бѣдный отецъ уже разсудилъ, что для моего счастья необходимо удалить меня изъ дому; повезли меня въ имѣніе

тетушки, о которой я уже упоминалъ и къ которой еще возвращусь, и ей отецъ довѣрилъ своего маленькаго друга, не умѣвшаго еще цѣнить его, но уже умѣвшаго любить его и утѣшать себя на чужбинѣ воспоминаніемъ о томъ, какъ, бывало, отецъ говорить: «Коля, кто твой другъ?») Культъ мой къ отцу не ослабѣвалъ и въ разлукѣ съ нимъ въ теченіе двухъ лѣтъ и до сей поры помню я еще, какъ стучало мое сердце, когда отецъ пріѣзжалъ на свиданіе со мною издалека. Да, батюшка былъ первымъ, вызвавшимъ во мнѣ чувство любви, которое свойственно человѣку, но можетъ проявить себя, т.е. возникнуть для нашего наблюденія, зародиться только тамъ, гдѣ его питаютъ. Любовь къ человечеству можетъ сложиться лишь въ видѣ дальнѣйшаго развитія привязанности къ отдѣльнымъ лицамъ и въ этомъ отношеніи батюшка, заставивъ боготворить себя, оказалъ мнѣ неоцѣненную услугу и тѣмъ большую, что онъ никогда не баловалъ меня, но былъ взыскателемъ.

Мнѣ не было еще шести лѣтъ, когда я, благодаря отцу, уже умѣлъ любить не только тѣхъ изъ людей, которые кормили меня пряниками, но и тѣхъ, которые, любя меня, относились ко мнѣ взыскательно. Помнится мнѣ, - будто это происходило сегодня, - такой случай: было мнѣ въ то время лѣтъ девять и я, послѣ двухлѣтней разлуки съ отцемъ и пребыванія въ домѣ тетки въ Воронежской губерніи, на короткое время возвратился къ отцу въ Новгородъ; сидимъ мы, помнится, за обѣдомъ и подаютъ какое-то вкусное блюдо; я, обращаясь къ слугѣ, говорю: «дай еще»; слуга подноситъ блюдо, а отецъ кричитъ (онъ былъ вспыльчивъ): «мимо!»... Что это означало? Это значило то, что въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда крѣпостное право еще существовало во всей силѣ и вся домашняя прислуга отца была изъ крѣпостныхъ, батюшка требовалъ отъ своего сына, чтобы онъ не только не позволялъ себѣ приказывать прислугѣ, но и не смѣлъ ожидать отъ нея какихъ бы то ни было услугъ, если въ обращеніи къ ней упустил слово «пожалуйста»; въ данномъ случаѣ меня обнесли блюдомъ за то, что я не сказалъ, обращаясь къ лакею: «подай мнѣ еще пожалуйста». Само собою разумѣется, что такія предписанія ни къ чему бы не вели, если бы отецъ не поучалъ меня собственнымъ примѣромъ; но глубочайшее впечатлѣніе на меня производило то что вся прислуга считала «батюшку Александра Ѳедоровича» буквально святымъ. Я же имѣлъ возможность узнать образъ мыслей прислуги, такъ какъ составлялъ съ нею, такъ сказать, одну и ту-же партію: и прислугѣ и мнѣ въ равной мѣрѣ приходилось страдать отъ домашнихъ

невзгодъ, которыхъ не могъ предотвратить отецъ, но отъ которыхъ онъ старался всячески насъ защищать; прислуга и безъ того жалѣла меня, какъ сиротку, осужденнаго въ самомъ нѣжномъ возрастѣ на скитальческую жизнь (Харьковъ, Екатеринославъ, Москва, Воронежская губернія, Новгородъ, Петербургъ и все это въ возрастѣ отъ двухъ до десяти лѣтъ!), а тутъ еще сближала меня съ нею общность нашей участи: терпѣть, по возможности, для того, чтобы не огорчать отца, или и его не подвести подъ гнѣвъ, если онъ станетъ защищать насъ. Въ числѣ слугъ нашихъ было нѣсколько прекрасныхъ, почтенныхъ людей, знавшихъ еще покойницу матушку и старавшихся какъ бы замѣнить ее по отношенію ко мнѣ; если только дать себѣ отчетъ въ томъ, какъ рѣдко даже просвѣщенные взрослые люди знаютъ о чемъ и какъ говорить съ ребенкомъ, легко представить себѣ, чего я не наслушался отъ прислуги, къ которой я былъ привязанъ, оставаясь, по счастью, впрочемъ нравственно чистымъ не только въ раннемъ дѣтствѣ, но и гораздо позже. Сколько часовъ проведено мною украдкою, въ то время, пока отецъ былъ занятъ службою, въ бесѣдахъ о житьѣ-бытьѣ крестьянъ въ деревнѣ покойницы матушки⁶, въ которой я теперь пишу эти воспоминанія и гдѣ уже осталось крайне мало стариковъ, нянчившихъ меня, когда я былъ младенцемъ. Во всѣхъ разсказахъ свѣтлою чертою проходило то, что люди, зависѣвшіе отъ матери и отца, благословляли ихъ, а я, помнится мнѣ, уже очень рано сталъ мечтать о томъ, какъ и меня, дастъ Богъ, полюбятъ крестьяне, когда наступитъ моя очередь распорядиться. Батюшка, при всей вспыльчивости своей, былъ не только добръ и справедливъ по отношенію къ окружавшимъ его крѣпостнымъ людямъ, но и въ манерѣ своей съ ними въ высшей степени человѣченъ, воспитывая во мнѣ чувство стыда за какое бы то ни было несдержанное слово по отношенію къ людямъ, случайно не пользующимся нашимъ общественнымъ положеніемъ.

Годъ, прожитый мною съ отцемъ въ Новгородѣ (1843-й годъ), оставилъ на мнѣ, въ воспитательномъ смыслѣ, неизгладимый слѣдъ въ томъ отношеніи, что я ежедневно убѣждался въ доступности отца народу и въ близости его къ нему. Батюшка былъ управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ въ Новгородѣ, т.е. занималъ такую должность, которая не только въ эти отдаленныя времена, но и гораздо позже не всеяла государственнымъ крестьянамъ ничего, кромѣ страха; но не то видѣлъ я постоянно въ такомъ возрастѣ, когда всѣ впечатленія настолько живы, что становятся неизгладимыми: не

проходило дня, чтобы отецъ не принималъ въ своемъ кабинетѣ крестьянъ, относившихся къ нему съ величайшимъ расположеніемъ; при этомъ прислуга, съ которою я состоялъ въ дружбѣ, настойчиво поясняла мнѣ неоднократно, что «батюшка Александръ Ѳедоровичъ» не только не беретъ съ крестьянъ и чиновниковъ, но еще своими деньгами помогаетъ имъ. Я весьма рано сталъ гордиться отцемъ своимъ, не высокими чинами его, которыми онъ не обладалъ, и, судя по карьерѣ его, не интересовался, но тѣмъ, какъ относились о немъ всѣ, отъ мала до велика, его знавшіе. Это чувство, появившееся во мнѣ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, сохранилось до гораздо позднѣйшаго времени: въ 1847 году не стало этого человѣка, въ лучшемъ смыслѣ слова, а въ 1855 году, десять лѣтъ послѣ служенія отца въ Новѣгородѣ, уже по окончаніи курса въ лицей, поѣхалъ я въ Новгородъ нарочно для того, чтобы поклониться историческимъ древностямъ Новгородскимъ и хотѣ издали взглянуть на тотъ домъ, въ которомъ, послѣ двухлѣтней разлуки, я прожилъ съ отцомъ одинъ годъ и гдѣ я разстался съ нимъ десяти лѣтъ навсегда, такъ какъ съ тѣхъ поръ видѣлъ его лишь одинъ разъ въ Петербургѣ, разбитаго параличемъ настолько, что онъ едва узналъ меня. Подъѣзжая къ Новгороду, на тройкѣ, съ ямщикомъ изъ государственныхъ крестьянъ, я, не называя себя, спросилъ его, помнитъ ли онъ того Корфа, который лѣтъ десять тому назадъ былъ здѣсь управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ; судорожно сжалось мое сердце, когда я услышалъ: «Какъ не помнитъ, кто же его не помнитъ? То была добрѣйшая душа».

II.

До Новагорода, т.е. проживъ на свѣтѣ лѣтъ восемь, я, по воспоминаніямъ, не имѣлъ родины, благодаря моей скитальческой жизни: родившись въ 1834 году въ Харьковѣ⁷, я только годъ съ небольшимъ прожилъ съ матерью и отцемъ въ деревнѣ Нескучной, Екатеринославской губерніи, моемъ настоящемъ мѣстопробываніи. Затѣмъ попалъ я, на короткое время, въ Екатеринославъ въ возрастѣ несознательномъ; отъ трехлѣтняго до шестилѣтняго возраста прожилъ я съ отцемъ, уже вступившимъ во второй бракъ, какъ я говорилъ, въ Москвѣ; но о ней не сохранилъ рѣшительно никакихъ воспоминаній, что зависѣло отъ возраста. Новгородская жизнь продолжалась не настолько, чтобы получить значеніе родины; да къ тому же городская обстановка оставляетъ гораздо менѣе сельской

слѣдовъ на ребенкѣ: можетъ-ли однообразіе города соперничать съ величественнымъ, для дитяти, разнообразіемъ села, гдѣ, что ни кустъ, то событіе, что ни шагъ, то новое явленіе. Вотъ, чѣмъ и объясняю себѣ то, что когда я, бывало, въ позднѣйшемъ возрастѣ, мысленно стремился перенестись на родину, то мысли мои переносились въ Малороссію и я чувствовалъ себя малороссомъ, вспоминая о томъ, какъ я прожилъ, въ домѣ тетушки Татьяны Тимоѳеевны Корфъ, два счастливыхъ года въ малорусской части Воронежской губерніи; к тому же и прислуга въ домѣ отца, о которой я упоминалъ, была вся изъ малороссовъ. Этими воспоминаніями дѣтства, быть можетъ болѣе, нежели тѣмъ, что мать моя была малороссіянка, объясняется то, что когда я судьбою былъ на десять лѣтъ заброшенъ въ Питеръ, то тамъ не могъ слышать, безъ млѣнія и содроганія сердечнаго, рѣчи на «о», обличающей малоросса, въ противоположность великороссу, выпѣвающему и растягивающему произносимыя имъ слова на «а». Какъ бы то ни было, но два года, прожитые мною въ дѣтствѣ въ средѣ малороссовъ, играютъ такую роль въ моихъ позднѣйшихъ симпатіяхъ къ южной Россіи, при твердомъ сознаніи въ себѣ общерусскаго начала, унаслѣдованнаго, быть можетъ, еще отъ отца, совершенно обрусѣлаго, и по нравамъ и по возрѣніямъ, остзейца, что я не могу умолчать о нихъ, стараясь выслѣдить въ своемъ прошломъ, какіе люди и обстоятельства могли имѣть воспитательное вліяніе на меня.

Говоря до сихъ поръ о томъ, что эти два счастливыхъ года, послужившихъ началомъ сближенія моего съ югомъ Россіи, гдѣ пришлось въ послѣдствіи принести въ жертву общественной пользѣ свои лучшіе годы и свое здоровье, прожиты въ домѣ тетки Корфъ, я выражался неточно. Дѣло въ томъ, что мой шестилѣтній возрастъ засталъ эту почтенную женщину, сестру покойной матушки, вдовою съ сыномъ, барономъ Николаемъ Васильевичемъ Корфомъ⁸, десяти лѣтъ, и дочерью семи лѣтъ. Тетушка, хотя и обладала только тѣмъ образованіемъ, которое у насъ въ 1830-хъ годахъ предоставлялось женщинѣ, но крайне серіозно отнеслась къ воспитанію и образованію своихъ дѣтей и, находя, что для воспитанія мальчика нужны мужскія руки, переѣхала въ семью одного изъ помѣщиковъ Воронежской губерніи, къ отцу нашего уважаемаго профессора и публициста Д.Д. Градовскаго⁹; у Д.Д. Градовскаго были свои дѣти, обученію которыхъ предстояло себя посвятить; къ нему же въ семью привезли двухъ сыновей помѣщика Засядко. Помню, какъ зимою я впервые увидѣлся съ теткою въ домѣ отца, въ Москвѣ, и какъ живой стоитъ еще предо

мною покойный батюшка, заливаясь слезами, пока меня обворачивают в шарф, укутывают и усаживают в кибитку: «с Богом», говорит отец ямщику и везет меня тетушка в имение Градовскаго, в Волчье. Там собралось нас, считая учившихся уже в то время дѣтей наших хозяев, всего семеро дѣтей, образовалась «семейная школа» лѣтъ двадцать пять раньше того, что возникло у нас в обществѣ это названіе и что в городах семейства стали соединяться для совмѣстнаго воспитанія дѣтей. В учебном отношеніи я не отставалъ, а потому, прибывъ в Волчье шести лѣтъ, уже умѣлъ читать по русски и по нѣмецки, а тутъ приступилъ къ французскому чтенію; но твердо помню, что я не надрывался ради успѣховъ и былъ не изъ прилежныхъ. Долженъ отдать справедливость Д.Д. Градовскому в томъ, что онъ былъ для всѣхъ насъ роднымъ отцемъ, всецѣло посвящалъ себя своей школѣ и всѣхъ насъ держалъ в ежовыхъ рукавицахъ; но онъ былъ в высшей степени добръ и справедливъ и при этомъ, никогда ничѣмъ не отличая своихъ кровныхъ дѣтей отъ насъ, не морилъ насъ надъ книгою, а предоставлялъ намъ просторъ наслаждаться роскошнымъ разнообразіемъ явленій сельской жизни. Тутъ-то, в семьѣ Градовскаго, я настолько привязался къ селу, что позднѣйшее городское воспитаніе, продолжавшееся цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ, и даже десятилѣтнее пребываніе в холодномъ Питерѣ, заставили меня забыть всѣ породы деревьевъ и цвѣты, которые я любилъ на югѣ Россіи, разучиться даже умѣнью отличать другъ отъ друга колосовыя хлѣба во время всхода, отчасти в зернѣ и колосьяхъ, - но не убили во мнѣ моего влеченія къ селу, жизнь в которомъ составляла мечту всего моего отрочества, всей ранней юности моей, - мечту, осуществившуюся съ двадцати двухлѣтняго возраста, когда я женился; это произошло опять-таки на югѣ Россіи, нравственныя связи съ которымъ у меня установились уже съ дѣтства, начиная съ «Волчьяго».

За что же полюбилось мнѣ настолько Волчье, гдѣ я впервые сознательно прислушивался къ малорусскому говору, не пониманіе котораго, но чувство къ которому устояло даже противъ цѣлаго дѣсятилѣтія петербургской беспочвенной и безличной жизни 1850-хъ годовъ. Да мудрено-ли ребенку полюбить село? А лѣсъ, а степь, а лугъ, а рѣка? Всего этого было вволю в Волчьемъ и всѣмъ этимъ не мѣшали намъ наслаждаться; несчастны тѣ люди, которымъ все это ничего не говоритъ, а дѣти такія, которыя не любятъ природы, на

свѣтъ не рождаются; такихъ уродовъ создаетъ только воспитаніе. Чего только намъ не доставляли наши руководители въ Волчьемъ: уженье рыбы, нами прозванную «охоту на ящериць», купанье, верховую ѣзду, обработку собственныхъ грядокъ на огородѣ; а шутка-ли свои собственные ручные кролики, своя перепелка? Или забуду я, когда-нибудь, какъ бывало вся семья, въ концѣ святой недѣли, выѣзжала въ имѣніе тетушки, Погромецъ, и какъ тамъ встрѣчалась нами Пасха, приносящая каждому изъ насъ не только по пятидесяти яицъ для катанья ихъ, но и безотчетно-сладостныя впечатлѣнія свѣтлой заутрени? А какое событіе въ деревнѣ весеннее разлитіе, которое въ городскомъ жителѣ часто не вызываетъ иныхъ чувствъ и соображеній, кромѣ того, нужны-ли ему теперь дождевой зонтикъ и галоши; сколько весеннихъ прогулокъ совершено нами въ Волчьемъ, подъ руководствомъ швейцарца-наставника, умѣвшаго быть ребенкомъ съ дѣтьми, строившаго съ нами мельницы на ручьяхъ и не упускавшаго случая, не надоѣдая, сообщать намъ полезныя знанія. Въ лѣтнюю пору, продолжающуюся на нашемъ югѣ мѣсяцевъ семь, мы сидѣли за книгою не болѣе четырехъ часовъ въ день, а все остальное время были заняты на дворѣ, въ саду, въ лѣсу, на лугу, въ полѣ; такая обстановка развивала духовно и физически; она же создавала и характеръ, развивала самодѣятельность и самостоятельность. Какъ бы въ подтвержденіе того, насколько свобода воспитываетъ ребенка, со мною случилась въ Погромцѣ бѣда, именно тогда, когда меня, семилѣтняго ребенка, отправили гулять съ нянькою; няню укусила собака, а въ селахъ обыкновенно всякую собаку, позволяющую себѣ броситься на человѣка, выдаютъ за бѣшенную. Вотъ и переполошился весь домъ: тетушка въ отчаяніи и посылаетъ за крестьяниномъ, который славится умѣньемъ своимъ «заговаривать» отъ укушенія бѣшенною собакою; помню, что вводятъ старика въ комнату, въ которую чрезъ нѣсколько минутъ впускаютъ и меня; тамъ, по приглашенію знахаря, я кладу земные поклоны и изъ рукъ его пью какую-то мерзость бураго цвѣта... Въ этомъ происшествіи удивляетъ меня не то, что и няня, и всѣ дѣти остались здоровыми, но то, что я не сталъ бояться собакъ; можетъ быть впрочемъ и то, что эта сцена чародѣйства въ едва, однимъ восковымъ огарочкомъ, освѣщенной комнатѣ, произвела на меня такое впечатлѣніе, что я лѣтъ до 12-ти боялся темной комнаты, хотя и скрывалъ это, и засыпалъ не иначе, какъ предварительно оградивъ

свою постель отъ діавольскихъ навожденій крестнымъ знаменіемъ въ четырехъ направленіяхъ.

Необычайно цѣпки, прочны впечатлѣнія дѣтства; гораздо упорнѣе, нежели объ этомъ обыкновенно думаютъ взрослые. Такъ, я припоминаю еще и другое происшествіе въ Погромцѣ, въ которомъ играетъ роль также крестьянинъ, но роль совершенно иного рода. На Пасху, неожиданно для меня, объявляютъ мнѣ, что пришелъ провѣдать меня изъ деревни покойной матушки, деревни Нескучной, которою владѣлъ отецъ, состоя на службѣ въ Москвѣ и другихъ городахъ, «атаманъ»; такъ называютъ у насъ и по настоящее время полевыхъ прикащиковъ. Выхожу, предо мною стоитъ рыжеватый малороссъ казацкой наружности, по фамиліи «Морозъ»¹⁰; мы здороваемся, онъ беретъ меня на руки, цѣлуетъ меня и даритъ мнѣ краснаго изюму, котораго принесъ мнѣ въ видѣ гостинца; пришелъ же онъ изъ Екатеринославской губерніи пѣшкомъ въ Воронежскую на свиданіе съ родными, такъ какъ всѣ крестьяне деревни Нескучной были выведены предками моими изъ Погромца. Это свиданіе тронуло меня до глубины души и произвело на меня глубокое впечатлѣніе; помню, что тогда же, семи лѣтъ отъ роду, подъ вліяніемъ примѣра отца, я сказалъ себѣ: «эхъ, вотъ, какъ вырасту я, тогда-то заживутъ крестьяне деревни Нескучной». Я могъ бы, не довѣряя самому себѣ, не довѣрять и этимъ воспоминаніямъ, предполагая, что мечта о служеніи интересамъ массы появилась во мнѣ гораздо позже, подъ вліяніемъ разсудочныхъ процессовъ; но я вынужденъ признать, что примѣръ отца уже крайне рано пробудилъ во мнѣ это стремленіе въ видѣ смутно сознаваемаго чувства, такъ какъ я беру фактъ о свиданіи моемъ съ Морозомъ изъ своей автобіографіи, написанной мною 26 лѣтъ тому назадъ, когда цѣлою четвертью вѣка я стоялъ ближе къ описываемому событію. Видно, и въ самомъ дѣлѣ искренно отнеслись мы, Морозъ и я, другъ къ другу, когда и двадцать лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, нескученцы всей «громадой» (т.е. всѣмъ обществомъ) приносили мнѣ хлѣбъ, въ видѣ поздравленія, ежегодно, въ день именинъ моихъ, на Пасху и на Рождество.

Но если отношеніе покойнаго отца къ народу не переставало служить мнѣ назидательнымъ примѣромъ въ Волчьемъ и Погромцѣ, то это несомнѣнно доказываетъ, что среда, въ которую я попалъ, не шла въ разрѣзъ съ воспринятыми мною зародышами общественныхъ стремленій. Въ общемъ такъ дѣло и было: я видѣлъ предъ собою помѣщиковъ, которые хорошо относились къ крестьянамъ, хотя и

далеко не такъ, какъ отецъ; помню я, напимѣрь, какъ дѣвочку двѣнадцати лѣтъ посылали за 25 верстѣ пѣшкомъ купить нитокъ на гривенникъ; помню я, какъ запьянствовавшего крестьянина насильно поили водкой до рвоты; помню я, какъ одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ обругалъ вновь прибывшаго діакона за его первое служеніе, за то, что онъ «тянетъ козломъ» и отправилъ его въ другое имѣнье, въ которомъ былъ опытный діаконъ на четыре мѣсяца, для того, что бы онъ научился «вытягивать по-діаконски». Помнятся мнѣ и другія проявленія дикаго произвола; но, по счастью, Градовскіе и тетушка были настолько добрыми помѣщиками, что обращеніе ихъ съ крестьянами не нарушало моихъ семейныхъ традицій.

Въ томъ же направленіи долженъ былъ вліять на насъ, дѣтей, и швейцарецъ Бешра, фамилію котораго я запомнилъ потому, что онъ поразилъ меня, задавъ намъ шараду на свою фамилію, для чего онъ нарисовалъ лопату (beche) и крысу (rat). Бешра мнѣ всегда казался очень способнымъ, а за эту находчивость я счелъ его геніальнымъ.

Хотя дѣти далеко не всегда справедливо оцѣниваютъ своихъ наставниковъ, но на этотъ разъ, мнѣ кажется, что оба класса семейной школы Градовскихъ; т.е. младшее отдѣленіе, состоявшее изъ двоюродной сестры моей и меня, имѣвшее дѣло и съ гувернанткою, и старшее отдѣленіе были правы, имѣя самое лестное мнѣніе о Бешра. Этотъ добрый, умный, живой, разносторонне свѣдущій швейцарецъ не только преподавалъ намъ свой родной французскій языкъ, но былъ воодушевленнымъ товарищемъ всѣхъ нашихъ игръ и надворныхъ занятій. Въ совершенно иныхъ отношеніяхъ состояли мы ко всѣмъ остальнымъ учителямъ: нѣмецъ Пфейферъ, сухопарый и сухой, преподавалъ намъ нѣмецкій языкъ и музыку и былъ, быть можетъ, весьма полезною для насъ машиною, но не болѣе; танцмейстера изъ поляковъ я ненавидѣлъ, какъ и всѣхъ преемниковъ его, въ какомъ бы заведеніи они меня ни обучали впослѣдствіи, такъ какъ всю жизнь свою терпѣть не могъ танцевъ. Очень добрымъ и симпатичнымъ малымъ считали мы русскаго учителя своего, который преподавалъ и науки; но въ памяти осталось гораздо болѣе то, что этотъ отставной казацкій офицеръ былъ замѣчательнымъ наѣздникомъ, нежели то, какъ и чему онъ меня обучалъ; не изгладилось изъ памяти и то, что Градовскому, который вѣроятно имѣлъ основанія дорожить этимъ учителемъ, приходилось ужасно возиться съ нимъ изъ-за того, что казакъ нашъ запивалъ отъ времени до времени и въ такихъ случаяхъ не имѣлъ возможности, вышедши изъ дома, находившагося у

подошвы горы, взобраться на гору, на которой стоялъ новый домъ въ Волчьемъ, одноэтажный, очень удобный сельскій домъ. Не съ этой ли поры, когда я свыкъся съ удобствами отсутствія лѣстницъ въ домѣ, я сталъ питать и до сихъ поръ питаю состраданіе къ городскимъ жителямъ, которые вынуждены взбираться по лѣстницѣ, когда бы они ни вышли изъ дому?... Кормили насъ въ Волчьемъ, какъ въ «житницѣ Россіи» и подобаеть, на славу, и долго, долго вспоминалъ я на сѣверѣ кукурузу (пшеничку, подсолнечники, маисъ), тыквенную кашу, вареники, варенецъ, арбузы, да не безвкусные и безсочные, а такіе, которые, бывало, ѣдали не иначе, какъ ложками. По этимъ воспоминаніямъ, сливавшимся съ впечатлѣніями отъ роскошной благодати сельской природы, съ воспоминаніемъ о томъ, на примѣръ, что на югѣ случалось видѣть табуны въ 500 лошадей, весь Петербургъ, со всѣми дворцами его, казался мнѣ какимъ-то жалкимъ пигмеемъ по сравненію съ величавостію и ширью юга, куда меня тянуло всѣ десять лѣтъ, прожитыя мною въ Петербургѣ. Сознаюсь, кстати, что тосковалъ я за украинскими степями не только въ Петербургѣ, отталкивающимъ и однообразіемъ природы, и климатомъ, и еще кое-чѣмъ, но и изъ Женевы¹¹, гдѣ, стоя на берегу живописнѣйшаго озера, не могъ я не признавать того, что куда же равняться съ такою красавицею моею унылой и часто неприглядной южно-русской степи, но родная мнѣ эта послѣдняя и не промѣняю ее ни на лазуревую воду Роны, ни на позолоченныя заходящимъ солнцемъ снѣжныя вершины. Основы для этого чувства, опредѣлившаго всю мою жизнь, были несомнѣнно заложены въ Волчьемъ, а такъ какъ дѣти стремятся все, по возможности, олицетворить, и выносятъ самыя сильныя впечатлѣнія отъ людей, то изъ того теплаго чувства, которое сохранилось у меня къ Погромцу, съ мѣловыми горами и водяною крупчаткою, и къ Волчьему съ его садомъ, лугомъ и лѣсомъ, прямо слѣдуетъ, что не ошибся отецъ, ввѣряя меня попеченію тетки, которая была мнѣ особенно дорога, какъ сестра моей матери, извѣстной мнѣ только по рассказамъ другихъ и нѣкоторымъ образомъ воплощавшаяся для меня въ образѣ тетушки.

Весною 1842 года гуляли мы, ребяташки, по обыкновенію, какъ неожиданно подкатилъ къ крыльцу тарантасъ, изъ котораго выглянулъ мужчина высокаго роста; я узналъ въ немъ батюшку и, опрометью бросившись къ нему, зарыдалъ у него на шеѣ, крѣпко обвивъ ее своими рученками; я въ первый разъ въ жизни плакалъ отъ

радости. Черезъ нѣсколько дней утромъ тотъ-же тарантасъ подвезли къ крыльцу, но на дворѣ собиралась прислуга, изъ которой многіе суетились около экипажа: кто тащилъ корзину съ дорожною провизіею, а кто чемоданы, въ которые были уложены и мои вещи. Помню, положительно помню, что пріостановился во дворѣ и водовозъ, на волахъ ежедневно таскавшій бочку, протяжно напѣвая свое: “цобъ, цобе”. Не скоро послѣ этой минуты пришлось мнѣ увидѣть работу на волахъ и хохла, ими управляющаго, и какъ забилось мое сердце, когда я вновь встрѣтился съ этой картиной въ Харьковѣ, тридцать лѣтъ послѣ выѣзда отъ тетушки и Градовскихъ. Но вотъ всѣ дѣти, всѣ наши патріархи и наставники собрались въ гостинную, сѣли, и послѣ нѣсколькихъ минутъ благоговѣйнаго молчанія, стали осыпать меня поцѣлуями; даже добрый Бешра прослезился. Тяжело было мнѣ покидать друзей, тетку, Градовскихъ; жаль было мнѣ и кроликовъ моихъ, а въ особенности гнѣдаго, неотвязчиво слѣдовавшаго за мною, и перепелку; но я ѣхалъ съ отцомъ и къ отцу, а потому недолго плакалъ, отъѣхавъ отъ крыльца.

Куда же бросала меня судьба теперь? Мы съ отцомъ ѣхали въ Новгородъ, гдѣ, какъ я уже говорилъ, отецъ былъ управляющимъ палаты государственныхъ имуществъ. Къ тому, что уже извѣстно читателю о моей жизни въ Новгородѣ, продолжавшейся всего годъ, я могу добавить теперь лишь немного. Пріѣхавъ въ Новгородъ, я былъ потрясенъ и пораженъ тѣмъ, что не засталъ своей няни, Е. И. Альберти, которая приняла меня отъ матери груднымъ младенцемъ, выхолила меня до шестилѣтняго возраста и благословила въ путь, на югъ Россіи, сознавая, что мнѣ жить дома не приходится. Какъ я ни былъ малъ, а помню это добрѣйшее созданіе, эту теплую христіанку, которая отчасти обратилась въ идолопоклонство, избравъ своимъ идоломъ меня; помню я однако такъ мало объ этой уроженкѣ города Риги, которая съ воодушевленіемъ обучала меня русскимъ пѣснямъ и нѣмецкому языку, что будь я постарше на рукахъ этого друга, то долженъ былъ бы признать за собою самую черную неблагодарность. Радуюсь тому, что хоть то осталось въ памяти, что Елена Ивановна первая пробудила во мнѣ религіозное чувство не затверживаніемъ непонятнаго ребенку текста молитвъ, но примѣромъ истинно христіанской жизни и прочувствованнымъ и сознательнымъ отношеніемъ своимъ ко Христу, о которомъ у насъ, съ Еленой Ивановной, бывали бесѣды.

Но не странно-ли? Описывая возвращеніе подъ отчій кровь, въ Новгородъ, я упоминаю о той, которой не засталъ, и не говорю о людяхъ, которые меня встрѣтили?... Сестеръ¹² своихъ единокровныхъ, дочерей отца отъ втораго брака, я почти не зналъ, а затѣмъ, кромѣ отца, для моего сердца не существовало болѣе человѣка въ семьѣ. Впрочемъ вскорѣ появилось въ семьѣ лицо, къ которому я привязался, хотя оно, на сколько я могу судить объ этомъ теперь, не стоило моего чувства: я разумѣю нѣмецкаго гувернера, съ которымъ меня поселили во флигелѣ, стоявшемъ во дворѣ главнаго дома, гдѣ мы проводили рекреационные часы. Гувернеръ мой частенько надувалъ отца, такъ какъ вмѣсто того, чтобы обучать меня, тайкомъ отъ отца водилъ меня къ булочнику, съ которымъ свелъ дружбу. Впрочемъ, онъ принесъ мнѣ ту пользу, что я, научившись говорить по-нѣмецки уже отъ няни, теперь настолько уже окрѣпъ въ нѣмецкомъ языкѣ, что не только свободно болталъ, но и прочелъ съ упоеніемъ, девяти лѣтъ отъ роду, въ Новѣгородѣ, Робинзона Крузоэ, на нѣмецкомъ языкѣ, а знаніе этого языка, какъ видятъ читатели, мнѣ очень скоро пригодилось. Жаль мнѣ себя, какъ вспомню я о томъ, сколько я видѣлъ лицемѣрія въ Новгородскихъ женскихъ и мужскихъ монастыряхъ, представителей которыхъ я часто видѣлъ въ домѣ отца и у нихъ дома, когда они не считали нужнымъ стѣсняться присутствіемъ ребенка; но спасибо гувернеру за то, что, идя къ булочнику и возвращаясь отъ него, онъ останавливалъ мое вниманіе на древностяхъ новгородскихъ и заинтересовалъ меня Новгородомъ гораздо больше, чѣмъ послѣдующіе курсы исторіи, представлявшіе его какою-то пестрою овцою въ стадѣ, за то и подлежащею истребленію, что она была своеобразною и потому будто бы нарушала единство Россіи, вылившееся, какъ извѣстно, изъ Москвы. Едва ли не жизни въ Новѣгородѣ я обязанъ тѣмъ, что немедленно послѣ выпуска изъ лица, о чемъ я уже упоминалъ, мнѣ захотѣлось поклониться древностямъ новгородскимъ. Не долго пришлось мнѣ прожить въ Новѣгородѣ: отецъ вѣроятно рѣшилъ, что нѣтъ возможности мнѣ оставаться дома и меня повезли въ городъ Верро, въ Лифляндію, въ очень извѣстное въ то время учебное заведеніе Крюммера; вотъ тутъ-то и пригодился мнѣ нѣмецкій языкъ, такъ какъ здѣсь всѣ предметы преподавались на нѣмецкомъ языкѣ.

III.

Въ пансіонѣ Крюммера, въ которомъ, помнится, было въ мое время болѣе ста воспитанниковъ, начиная съ отдѣленія для малютокъ, въ которое меня помѣстили, и до старшаго класса, «студентовъ», какъ мы ихъ называли, которые отъ Крюммера переходили непосредственно въ Дерптскій университетъ, провелъ я 1844-ый годъ и часть 1845-го года, прибывъ къ Крюммеру на десятомъ году жизни. Не могу умолчать объ этомъ времени, стараясь выслѣдить въ своемъ прошломъ воспитавшія меня силы, такъ какъ здѣсь вѣроятно повліяли на меня какъ обученіе, такъ и вся обстановка. Самъ Крюммеръ, старикъ самой привлекательной, по добродушію, наружности, представляется мнѣ теперь, на разстояніи тридцати семи лѣтъ, едва ли не лучшимъ педагогомъ изъ всѣхъ, съ которыми судьба сводила меня въ дѣтствѣ: и вообразить себѣ трудно, какъ удержать семейное начало въ учебномъ заведеніи, настолько многочисленномъ! Но это фактъ: я чувствовалъ себя въ семьѣ. Не мудрено, что я сознавалъ себя въ семьѣ внѣ учебныхъ часовъ, такъ какъ я, въ числѣ немногихъ, не спалъ, по малолѣтству, въ общихъ дортуарахъ заведенія, помѣщавшагося въ огромномъ домѣ, напоминавшемъ своими башнями, обширнымъ манежемъ и вѣковыми деревьями, съ одной стороны его окаймлявшими, средневѣковой замокъ, но жилъ во флигелѣ, ввѣренный женскому попеченію, но я чувствовалъ себя дома, подъ вліяніемъ близкихъ мнѣ людей, и въ классной комнатѣ главнаго корпуса, и въ обширнѣйшей залѣ его за обѣдомъ, и тамъ-же во время воскресной молитвы, совершавшейся самимъ директоромъ, при полномъ сборѣ воспитанниковъ, подъ звуки органа; мѣхи послѣдняго я нерѣдко приводилъ въ движеніе, такъ какъ силъ моихъ какъ-разъ доставало на то, чтобы вскарабкаться на рычаги мѣховъ и тяжестью своего тѣла довести ихъ до полу.

Какой-то теплый, семейный характеръ имѣли и акты въ той же залѣ, на которыхъ мнѣ пришлось играть роль, такъ какъ меня назначили декламировать публично стихотвореніе на нѣмецкомъ языкѣ; взбираясь на кафедру я упалъ и разревѣлся; но подошелъ ко мнѣ Крюммеръ, вытеръ мнѣ глаза своимъ платкомъ, поцѣловалъ меня и я опять почувствовалъ себя дома и даже стяжалъ аплодисменты отъ товарищей, наполнявшихъ залу. Въ этомъ учебномъ заведеніи былъ прекрасный подборъ преподавателей, а «профессорами» нашихъ «студентовъ» старшаго класса, изъ которыхъ каждый студентъ

пользовался отдѣльною комнатою, мы гордились, какъ учеными; такими же глазами смотрѣли мы на директора и инспектора. Преподаватели младшихъ классовъ относились къ намъ, какъ къ дѣтямъ, не опасаясь оскорбить насъ словомъ «ты» и не прибѣгая къ побоямъ, употребительнымъ въ нѣмецкихъ школахъ; какимъ гомерическимъ хохотомъ разразились бы мы, если бы учитель кого-нибудь изъ насъ, малюковъ, назвалъ «господинъ такой-то»; это показалось бы намъ настолько же забавнымъ, какъ если бы старшій братъ назвалъ младшаго “господиномъ”.

Въ заведеніи Крюммера были заложены первыя основы моего политическаго или гражданскаго развитія, если можно такъ выразиться: я жилъ въ семьѣ, но въ то же время знакомился съ тѣмъ, что существуетъ общество, существуютъ права и обязанности, что существуютъ всѣми уважаемые обычаи, что общество въ правѣ относиться къ отдѣльному лицу съ извѣстными требованіями, но и наоборотъ. Все это я познавалъ въ микроскопическомъ мірѣ товарищей, который имѣлъ однако свою организацію, сходную съ буршенштафтами германскихъ университетовъ. Не только фискальство, но и неуваженіе къ женщинѣ, угнетеніе слабого, обманъ, измѣна данному слову безпощадно карались судомъ товарищей, который вполнѣ признавался и начальствомъ. Директоръ и инспекторъ, равно какъ и всѣ учителя, воспитывали въ насъ чувство отвѣтственности довѣріемъ къ намъ и предоставленіемъ намъ возможно полной свободы, а не попеченіями съискной полиціи. Какое наслажденіе, бывало, отправиться зимою, на конькахъ, съ разноцвѣтными фонарями въ рукахъ, на ту сторону, примыкавшаго къ нашему саду, озера, - пестрою толпою болѣе ста воспитанниковъ, при участіи всѣхъ учителей и дирекціи, летѣли мы на конькахъ въ ближайшую корчму, на противоположномъ берегу озера: жену и дочерей директора усаждаютъ на кресла съ полозьями, бывало, лучшіе изъ нашихъ конькобѣжцевъ, но присутствія ихъ въ корчмѣ достаточно для того, чтобъ никто изъ «студентовъ» нашихъ не подкутилъ, а если бы это и случилось нечаянно, то самъ же Крюммеръ и спрячетъ согрѣшившаго поскорѣе отъ срама.

А вотъ затѣвается въ лѣтнюю пору гимнастическій праздникъ въ огромномъ манежѣ нашего учебнаго заведенія; «наши дамы» опять здѣсь, всякаго изъ насъ знаютъ по имени, всякій изъ насъ старается чѣмъ-нибудь имъ услужить. Начинается точно турниръ: часть воспитанниковъ располагается играть въ кегли, соперничая другъ съ

другомъ в искусствѣ; другая отличается на гигантскихъ шагахъ, а тамъ всѣ орудія гимнастики заняты лучшими гимнастами и только весьма немногіе изъ воспитанниковъ и учителей образуютъ публику. Всѣ эти упражненія и игры происходятъ при самомъ строгомъ соблюденіи правилъ, опять-таки подъ угрозою суда товарищей, могущаго подвергнуть виновнаго даже остракизму, признаваемому и начальствомъ. Смѣемся мы, бывало, идя веселою, но вполне приличною, гурьбою по улицѣ, при встрѣчѣ съ женскимъ пансіономъ города Верро, который ведутъ мимо насъ по-парно и который мы за это прозывали не иначе, какъ «die Gänse» (гуси); прозвание это, знаменуя нашу вражду ко всякой формалистикѣ, настолько установилось, что долгое время я думалъ, что «Gänse» фамилія содержательницы пансіона. Въ нѣмецкомъ языкѣ я здѣсь настолько окрѣпъ, что онъ сталъ какъ-бы вторымъ роднымъ языкомъ моимъ; я говорю вторымъ, такъ какъ не успѣлъ въ Верро разучиться русскому языку.

IV.

То, что при переѣздѣ отъ Крюммера въ Петербургъ я не затруднялся въ русскомъ языкѣ, объясняется, полагаю, не тѣмъ, что и въ Верро я пользовался уроками русскаго языка, но преимущественно тѣмъ, что оставался здѣсь не болѣе полутора лѣтъ, такъ какъ вся обстановка здѣсь была какъ нельзя болѣе неблагоприятна для русскаго начала. Насъ было у Крюммера не болѣе десяти православныхъ воспитанниковъ на сто и болѣе учащихся и мы не только съ товарищами и учителями, но и между собою всегда говорили по-нѣмецки, такъ какъ не слышали вокругъ себя другого языка; ничего похожаго на гнетъ или насмѣшки мы не испытывали; не только начальство, но и товарищи, совершенно разумно и съ уваженіемъ относились къ тому что, по распоряженію директора, мы на одну недѣлю въ году выдѣлялись изъ состава заведенія для того, чтобы говѣть и пріобщиться въ убогой православной церкви, дьячекъ которой врѣзался мнѣ въ память тѣмъ, что во время служенія ѣлъ на клиросѣ печеный картофель и дѣлился имъ съ нами, и священникъ, который изъ памяти исчезъ совершенно безслѣдно, несомнѣнно потому, что не производилъ на насъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, не смотря на то, что самою внѣшностію своею рѣзко выдѣлялся изъ

окружающей среды, ничѣмъ не напоминавшей мнѣ ни Москвы, ни Воронежской губерніи, ни Новгорода, не исключая и архитектуры домовъ и городского благоустройства Верро, стоявшаго гораздо ближе къ германскому, чѣмъ къ русскому. До такой степени новы были для меня и люди, и мѣстность, и нравы, что, подавляемый массою разнороднѣйшихъ впечатлѣній и вѣроятно всасывая въ себя, незамѣтнымъ для себя самого образомъ, нѣмецкій элементъ, я здѣсь не тосковалъ за любимымъ югомъ Россіи. Положительно помню, что меня не тянуло даже въ деревню Волчье и могу объяснить себѣ это преимущественно тѣмъ, что этотъ счастливый уголокъ, по сравненію съ Москвою и Новгородомъ, былъ мнѣ дорогъ, какъ мѣсто, гдѣ мнѣ жилось привольно и свободно; такимъ же просторомъ и такою же свободою, если не большею, пользовался я и въ ничтожномъ городкѣ Верро, гдѣ матеріальныя условія чрезвычайно близко подходили къ селу и только закрѣпляли во мнѣ симпатіи мои къ сельской жизни, а нравственныя, благодаря Крюммеру, были никакъ не менѣе благопріятны, въ смыслѣ отсутствія гнета и излишнихъ стѣсненій, чѣмъ въ сельской школѣ Градовскихъ и въ домѣ тетушки Татьяны Тимоѣевны Корфъ, представляя столь же отрадный для меня контрастъ по сравненію съ Москвою и Новгородомъ. Но при всемъ томъ, если бы пребываніе мое въ Верро продолжилось дольше, то я, по всей вѣроятности, вполнѣ бы онѣмечился, такъ какъ въ дѣтствѣ человекъ крайне скоро подчиняется окружающей обстановкѣ. По счастію меня перевели (не знаю по чьей инициативѣ, такъ какъ отецъ въ это время былъ уже тяжело боленъ) въ Петербургъ, гдѣ я попалъ въ руки русскаго человѣка, усвоившаго себѣ однако все достойное уваженія изъ нѣмецкаго характера.

Таковъ былъ Александръ Яковлевичъ Филипповъ, пансіонъ котораго, существующій, послѣ тридцати семи лѣтъ, по настоящее время подъ управленіемъ людей изъ той-же семьи, въ мое время пользовался вполнѣ заслуженною славою, хотя и крайне своеобразною. Между тѣмъ какъ пансіонъ Ф. В. Гроздова, того самаго, который позже убѣждалъ петербургскую городскую думу отнюдь не измѣнять нищенскаго содержанія народныхъ учителей, бралъ по триста и болѣе рублей въ мѣсяць за ручательство предъ родителями въ томъ, что юноша непременно будетъ «приготовленъ» къ извѣстному сроку въ извѣстное учебное заведеніе; между тѣмъ какъ, кромѣ пансіона Гроздова, огромное большинство частныхъ учебныхъ заведеній того времени существовали только съ цѣлію

наживы для дрессировки дѣтей, которыхъ они и «приготовляли» по какой угодно программѣ, Александръ Яковлевичъ Филипповъ и наиболѣе высокопоставленнымъ особамъ, къ нему обращавшимся, отвѣчалъ, бывало, что «приготавливаютъ только котлеты, а людей воспитываютъ и обучаютъ», и никогда не бралъ на себя ручательства за то, что его воспитанникъ поступитъ въ заведеніе, ему указываемое; поступали же наши молодцы ежегодно изъ лучшихъ повсюду. Никогда и ни съ кого не бралъ почтенный директоръ нашъ за весь годъ болѣе того, что другіе иногда получали за одинъ мѣсяць, т.е. болѣе трехъ сотъ рублей; ничѣмъ не могли убѣдить его въ томъ, чтобы увеличить комплектъ воспитанниковъ, которыхъ онъ допускалъ не болѣе тридцати, утверждая, что с бѣльшимъ числомъ онъ не въ силахъ справиться добросовѣстно. Буквально день и ночь проводилъ Филипповъ съ нами, доставляя себѣ отдыхъ для прогулки безъ насъ только часа на два по вечерамъ, которыми онъ пользовался для совѣщанія съ родителями. Кто изъ насъ лучше всѣхъ игралъ въ мячъ? Александръ Яковлевичъ. Кто лучше всѣхъ насъ игралъ въ «барры» и «пятнашку» (въ той и другой игрѣ дѣти бѣгають)? Онъ-же. Кто лучше всѣхъ читалъ вслухъ? Опять онъ-же, - и облѣпимъ мы, его бывало; сядемъ ему чуть не на плечи и слушаемъ его чтеніе съ замираньемъ сердца, заканчивая этимъ день. А начинался нашъ день опять со чтенія Александра Яковлевича, который ежедневно прочитывалъ намъ, предъ началомъ учебныхъ занятій, отрывки изъ евангелія; съ этихъ поръ и навсегда евангеліе стало для меня великою книгою¹³, доставившею мнѣ слишкомъ много сладкихъ минутъ, при посредствѣ Филиппова, для того, чтобы мертвый догматизмъ и бездушный формализмъ всего послѣдующаго обученія Закону Божию могъ заглушить во мнѣ сердечное отношеніе къ ученію Иисуса. Но когда нашего директора, его жены, тетки, дочери и сыновей не было съ нами?... Даже въ день именинъ Александра Яковлевича его гости, не только семья, обѣдали съ нами, такъ какъ директоръ не подаетъ, бывало, своимъ гостямъ того, чего бюджетъ не дозволяетъ предложить всему пансіону. Еще въ одной мелочи, кромѣ неспособности «приготовлять» дѣтей, расходился Филипповъ съ большинствомъ родителей: онъ былъ приверженцемъ гимнастики, которую контролировалъ въ его заведеніи очень извѣстный въ свое время шведъ Дюронъ, къ числу учениковъ котораго принадлежитъ и І.И. Паульсонъ¹⁴, но онъ ненавидѣлъ танцы и ничьи убѣжденія не могли склонить его допустить обученіе танцамъ въ своемъ учебномъ

заведеніи; какъ припомнѣть, быть можетъ, читатели, это было мнѣ какъ нельзя болѣе на руку. Но у меня нерасположеніе къ танцамъ объяснялось вѣроятно моею собственною неуклюжестью, такъ какъ дѣтямъ обыкновенно нравятся только тѣ изъ упражненій, въ которыхъ они хорошо успѣваютъ; но у Александра Яковлевича недопущеніе танцевъ было дѣломъ принципа и совпадало съ его приверженностью къ ученію моравскихъ братій, или гернгутеровъ, въ молитвенной залѣ которыхъ онъ, оставаясь православнымъ, всякое воскресеніе слушалъ проповѣдь очень извѣстнаго въ то время оратора, протестанскаго пастора Нильсена; нѣмецкимъ языкомъ Филипповъ владѣлъ какъ русскимъ, былъ женатъ на нѣмкѣ, которую мы всѣ считали святою, и въ семьѣ своей говорилъ не иначе, какъ по-нѣмецки, заставляя себя говорить съ нами день по-нѣмецки, день по-французски и день по-русски. Я увѣренъ въ томъ, что родственники покойнаго Александра Яковлевича, еще въ мое время сошедшаго въ могилу, простятъ мнѣ то, что я позволю себѣ, по прошествіи тридцати четырехъ лѣтъ, раскрыть тайну души этого истиннаго педагога, указывая на то, что по убѣжденію онъ былъ гернгутеромъ, т.е. принадлежалъ къ высшей степени нравственной общинѣ, стремящейся осуществить культъ и образъ жизни первоначальныхъ христіанскихъ общинъ; я позволю себѣ поднять завѣсу надъ этой тайной для того, чтобы показать, что уже сорокъ лѣтъ тому назадъ существовало у насъ рационалистическое религіозное движеніе въ такой сферѣ, въ которой его вѣроятно никто не предполагалъ и потому, что религіозныя убѣжденія истинно благочестиваго директора нашего не могли не отражаться на нашемъ воспитаніи. Извѣстно, что гернгутеры стремятся къ возможно большому осуществленію равенства на землѣ, но не разрушеніемъ и цѣною крови, но проповѣдью любви; легко представить себѣ послѣ этого, какъ училъ насъ Александръ Яковлевичъ относиться къ прислугѣ, считавшейся у него членомъ его семьи, и къ меньшей братіи вообще. По счастью, эти благородныя стремленія директора, въ разрѣзъ съ направленіемъ большинства родителей того времени, заронить въ насъ потребность служить массѣ, встрѣтили во мнѣ, въ десятилѣтнемъ возрастѣ моемъ, почву, подготовленную, какъ припомнѣть читатели, еще покойнымъ отцемъ и съ тѣхъ поръ еще не засоренную пребываніемъ въ Волчьемъ и въ Верро, гдѣ остзейское баронство мнѣ осталось неизвѣстнымъ и гдѣ я почерпнулъ лишь духъ германскаго студенчества, какъ извѣстно, демократическій по

преимуществу. Рѣшившись затронуть религіозныя убѣжденія своего воспитателя, я спѣшу добавить, что независимо отъ его евангельскихъ чтеній, мы пользовались у него уроками законоучителя, хорошаго, если не въ томъ отношеніи, чтобы онъ умѣлъ поселять въ насъ любовь къ ученію Христа, то въ томъ, что относился къ намъ съ любовью, не требоваль долбни и увлекаль своимъ рассказомъ, въ которомъ избѣгалъ того, что превосходить дѣтскія силы. Отношенія наши къ директору пансіона были настолько идеальными, что и рассказъ о нихъ иному покажется сентиментальностію, но не тѣмъ, я надѣюсь, которые понимаютъ, насколько важень нравственный авторитетъ наставниковъ: всякій вечеръ, отходя ко сну, каждый изъ тридцати воспитанниковъ подходилъ къ Александру Яковлевичу, становившемуся для этого, послѣ молитвы, посреди залы, для того, чтобы пожать ему руку; тяжелымъ наказаніемъ считалось, при этомъ, то, если Александръ Яковлевичъ кому нибудь изъ воспитанниковъ молча кланялся, не подавая ему руки.

Полагаю, что и сказаннаго уже достаточно для того, чтобы читатель согласился со мною въ томъ, что въ лицѣ А. Я. Филиппова я имѣль предъ собою педагога, любителя и артиста своего дѣла, неусыпно работавшаго по призванію. Всякому станетъ понятнымъ послѣ этого, если только предположить удачный подборъ учителей, что воспитанники Филиппова отлично успѣвали; научившись работать уже у Крюммера, я сталъ отлично учиться у Филиппова и поступилъ изъ лучшихъ, при очень сильной конкуренціи, въ 1848 году, изъ пансіона Филиппова въ лицей, не смотря на то, что еще за нѣсколько мѣсяцевъ до экзамена почтенный Александръ Яковлевичъ заявляль высоко-іерархически поставленному уже въ то время дядѣ моему, барону, впослѣдствіи графу, Модесту Андреевичу Корфу, что онъ, «не ручается за то, что приготовить» меня. Но, стараясь дать себѣ отчетъ въ томъ, какое воспитательное вліяніе имѣль на меня Филипповъ, я долженъ остановить вниманіе читателя на обстоятельствѣ, менѣе обыкновенномъ, чѣмъ хорошіе успѣхи, какъ результатъ дѣятельности хорошаго педагога: я долженъ указать на то, что въ пансіонѣ Филиппова, подъ вліяніемъ уваженія и привязанности къ директору, и того увлеченія и умѣнья, съ которыми онъ преподаваль и воспитываль, я впервые полюбилъ школьное и учительское дѣло и сталъ считать педагогическую профессію самою благородною и важною изъ всѣхъ существующихъ. Еще въ бытность

въ этомъ пансіонѣ, одиннадцати и двѣнадцати лѣтъ отъ роду, я искалъ случая удовлетворить зародившемуся во мнѣ, благодаря таланту и увлеченію Филиппова, вкусу къ преподаванію; бывало и хлѣбомъ меня не корми, а дозвожь только товарищъ объяснить ему что нибудь изъ преподаннаго за урокомъ; тутъ сейчасъ разыграется, бывало, самодѣятельность и станешь своими способами выяснять товарищу то, что толковалъ учитель, а затѣмъ, предлагаешь ему вопросы о пройденномъ и мечтаешь: «эхъ, вотъ, когда бы мнѣ цѣлый классъ достался, такъ такъ бы!» Мои первые опыты преподаванія, вѣроятно, удались, такъ какъ вскорѣ стала собираться вокругъ меня цѣлая кучка учениковъ для того, чтобы подъ моимъ руководствомъ, доставлявшимъ мнѣ же огромное наслажденіе, готовить уроки; дожилъ я даже до такого блаженства, что директоръ, который и самъ, быть можетъ, не подозрѣвалъ того, кто заронилъ въ меня своею талантливою и самоотверженною дѣятельностію первую педагогическую искру, съ этихъ поръ уже никогда не угасавшую и разгорѣвшуюся въ пламя при первой благопріятной къ тому обстановкѣ, - самъ поручалъ мнѣ слабѣйшихъ. При этомъ, къ чести этого пансіона, я долженъ отнести то, что насъ такъ воспитывали, что я, находя наслажденіе въ самомъ процессѣ преподаванія, не только не чванился предъ слабѣйшими, но былъ любимъ ими, и сознаніе того, что я помогаю имъ, радовало меня; такъ и должно было быть въ пансіонѣ, въ которомъ господствовали заповѣди Христа не на словахъ, а на дѣлѣ.

Но указаннымъ еще не исчерпываются всѣ тѣ черты характера Филиппова, которыя могли имѣть вліяніе на меня и, если не ошибаюсь, дѣйствительно произвели на меня сильное впечатлѣніе: независимо отъ увлеченія своимъ дѣломъ, необычайной взыскательности къ себѣ самому, стойкости предъ сильными міра сего за свое убѣжденіе и добросовѣстности, Александръ Яковлевичъ отличался фанатическимъ подчиненіемъ чувству долга. Ни разу за всѣ три года моего пребыванія въ его пансіонѣ онъ никогда не опоздалъ, никогда не пренебрегалъ никакимъ, даже самымъ мелочнымъ, дѣломъ по школѣ, изъ падавшихъ на него, ни разу не предпочелъ развлеченіе какой нибудь, хотя бы самой однообразной и непривлекательной работѣ, всегда вставая раньше и ложась позже всѣхъ; такая желѣзная сила воли и такая настойчивость, такая стоическая вѣрность долгу заставляли меня преклоняться передъ нимъ, хотя холодность и сосредоточенность его характера и мѣшали

привязаться къ нему моей натурѣ, всегда ощущавшей потребность въ ласкѣ, привязаться настолько, какъ онъ того стоилъ. Но смерть этого человѣка была настолько трагическою, что поразила меня, какъ громомъ: въ началѣ лѣта 1848 года въ Петербургѣ такъ свирѣпствовала холера, что однажды, пошедши съ Филипповымъ гулять, мы остановились минутъ на пять на углу Обуховскаго проспекта и одной изъ ротъ Измайловскаго полка, въ которой нашъ пансіонъ занималъ чрезвычайно удобное помѣщеніе, и за пять минутъ насчитали 28 труповъ, или почернѣвшихъ больныхъ, провезенныхъ мимо насъ на извозчикахъ; Александръ Яковлевичъ, глядя вмѣстѣ съ нами въ глаза смерти, сказалъ намъ, при этомъ, много наставительнаго, стараясь успокоить насъ; но въ ту же ночь его самого не стало отъ холеры, послѣ нѣсколькихъ часовъ страданій; мнѣ пришлось поступать въ Лицей въ концѣ того-же года уже отъ брата покойнаго, принявшаго пансіонъ немедленно послѣ похоронъ.

Разставаясь мысленно съ пансіономъ Филиппова, не могу не помянуть его добромъ еще за то, что мною самимъ испытанное въ этомъ учебномъ заведеніи, лучше всякихъ позднѣйшихъ совѣтовъ и соображеній, убѣдило меня въ томъ, какъ важна основательность обученія и насколько знаніе въ самомъ себѣ носить награду за трудъ, независимо отъ всякихъ внѣшнихъ за него отличій; это отношеніе къ знанію старался поселить въ насъ Филипповъ, который въ то-же время такъ безпощадно, настойчиво заставлялъ насъ непрерывно повторять пройденное, что сообщаемыя намъ свѣдѣнія переходили въ кровь и плоть нашу, чему мы давали надлежащую цѣну даже въ дѣтствѣ. Для поступленія въ Лицей предстояло сдать очень серіозный экзамень по программѣ, приблизительно соответствующей познаніямъ, требуемымъ при переходѣ въ пятый классъ гимназіи съ добавленіемъ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ и я не только не тревожился перспективою наступленія экзамена, но въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, ему предшествовавшихъ, и книги не открывалъ: настолько Филипповъ убѣдилъ меня въ томъ, что обучалъ онъ меня не для экзамена, а на всю жизнь и настолько мой опытъ успѣлъ уже къ тому времени провѣрить мнѣніе директора о прочности сообщенныхъ мнѣ знаній.

Въ тѣ единственные свободные вечерніе часы, когда покойный Александръ Яковлевичъ позволялъ себѣ подышать свѣжимъ воздухомъ и отдохнуть отъ насъ, онъ посѣщалъ, какъ я уже говорилъ, родителей своихъ питомцевъ; въ эти часы бывалъ онъ нерѣдко и у

единокровной сестры отца моего, моей тетки Е.Θ. Кёлеръ, которая, принявъ меня по приѣздѣ моемъ изъ Верро, служила мнѣ матерью въ лучшемъ смыслѣ этого слова въ теченіи одиннадцати лѣтъ, до самой женитьбы моей, насъ разлучившей. Не мало слезъ пролито эту примѣрною христіанкою въ бесѣдахъ съ Филипповымъ, взыскательность къ себѣ самому переносившимъ и на другихъ и въ мрачныхъ краскахъ описывавшимъ тѣтушкѣ мои недостатки. Уваженіе мое къ читающей публикѣ мѣшаетъ мнѣ занимать ее подробностями вполне личнаго характера, хотя такого рода біографическія данныя и представляютъ нерѣдко значительный психологическій интересъ. Могу остановиться лишь на томъ, что всѣ упреки, вовсе не касаясь моихъ учебныхъ занятій, сводились преимущественно къ тому, что я никогда не умѣлъ смолчать начальству, высказывалъ старшимъ въ глаза то, что я о нихъ думалъ, а разсужденія мои бывали не всегда для нихъ лестны; я помню себя положительно кроткимъ ребенкомъ, а меня вѣчно упрекали въ «дерзости» за прямоту. Но здѣсь не мѣсто входить въ анализъ этого недоразумѣнія, а возможно лишь припомнить то, какою свободою я пользовался у Крюммера и съ нею сопоставить ежовыя рукавицы почтеннаго Филиппова для того, чтобы объяснить себѣ, что ребенокъ не сразу могъ перейти отъ духа германской буршеншафтъ, всячески развивавшей мое личное достоинство, къ положенію сына, исполняющаго волю отца «безъ разсужденій», въ которое ставилъ Филипповъ своихъ питомцевъ. Переходъ же этотъ былъ необходимъ, такъ какъ мнѣ предстояло учиться въ лицѣ во времена Николая Павловича, когда вѣровали не только въ возможность задержать работу мысли и безповоротно направить ее, отечески-драконовскою властію, но и въ барабанный бой и шагистику, которые и были введены въ лицей, вскорѣ послѣ моего поступленія. Никогда не забуду того, какъ Ѳотій Петровичъ Калиничъ, еще Пушкина, бывшаго воспитанникомъ перваго курса того-же лицея, обучавшій чистописанію, разрыдался при первомъ звукѣ барабана, замѣнившаго у насъ колокольчикъ, будившій насъ и призывавшій къ обѣду; сознаюсь впрочемъ, при этомъ, что хотя мнѣ въ это время и было уже пятнадцать лѣтъ, но я плохо понималъ слезы Калинича, бывшаго «воспитателемъ» нашего двадцатаго курса, но просто находилъ звуки барабана въ комнатѣ отвратительными. По мѣрѣ того, какъ я подрасталъ подъ звуки этого барабана, я относился къ этимъ звукамъ все болѣе и болѣе враждебно, какъ къ проявленію солдатчины, столь

же мало дисциплинировавшей умъ нашъ въ извѣстномъ направленіи, какъ и каррикатурнѣйшая маршировка, въ которой мы упражнялись полъ-часа ежедневно подъ руководствомъ унтеръ-офицеровъ и наблюдениемъ нашего инспектора, въ то время полковника, Н.И. Миллера (онъ впослѣдствіи былъ долгое время директоромъ лицея), который по образу мыслей и научной подготовкѣ, настолько было «статскимъ» для того времени, что могъ безцѣльно коверкать намъ ноги несомнѣнно только съ отвращениемъ.

Объ этомъ человѣкѣ сохранились у меня самыя лучшія воспоминанія и уважали мы его гораздо болѣе директора М.Б. Браневскаго, котораго мы считали добрымъ и честнымъ «малымъ», хотя онъ и былъ уже старикъ, но который славился въ нашей средѣ, не знаю, правильно или нѣтъ, своимъ полнѣйшимъ невѣжествомъ по всѣмъ отраслямъ, за исключеніемъ математики, которою занимались у насъ охотно лишь весьма немногіе.

V.

Объ Императорскомъ Александровскомъ лицейѣ, переведенномъ на Петербургскую сторону, гдѣ онъ находится и понынѣ, изъ Царскаго Села за нѣсколько лѣтъ до моего поступленія, уже столько появилось извѣстій и отзывовъ въ печати, какъ о “заведеніи государственныхъ младенцевъ”; столько разъ уже питомцы этого заведенія относились съ высоты своего величія къ “пустотѣ” его, что мой, чуть не единичный голосъ, едва ли измѣнить что нибудь въ его репутаціи въ извѣстныхъ кружкахъ. Но я чувствую себя столькимъ обязаннымъ лицейю своего времени, что не простилъ бы себѣ умолчанія о томъ, въ какомъ отношеніи лицей отъ 1848 г. по 1854 годъ былъ весьма существеннымъ факторомъ въ числѣ силъ, меня воспитавшихъ. Уповаю, впрочемъ, на то, что если читатели сопоставятъ тѣ факты, которые я приведу, съ проявленіями въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ нашего времени, которыя масса публики предпочитаетъ, то едва ли сравненіе всегда окажется невыгоднымъ для лицея. Слишкомъ странно было бы смѣшивать то, что законъ вполне незаслуженно предоставляетъ лицеистамъ привилегированное служебное положеніе и не симпатичность такого обособленія горсти юношей съ тѣмъ, что имъ доставлялъ лицей въ умственномъ и нравственномъ отношеніи; изъ того, что привилегіи

всегда предрасполагають противъ тѣхъ, которые ими ограждаются, еще не слѣдуетъ однако того, чтобы не представляло интереса всмотрѣться и вдуматься въ лицей пятидесятихъ годовъ безъ предубѣжденія. Въ виду того, что крайне рѣдки примѣры, чтобы лицейство, подобно мнѣ, 28 лѣтъ послѣ выпуска состоялъ въ томъ же чинѣ титулярнаго совѣтника, которымъ онъ окончила курсъ, но что, напротивъ, весьма многіе изъ товарищей моихъ по курсу и современниковъ моихъ по лицейю уже достигли іерархическаго положенія, предоставляющаго вліяніе, я попытаюсь дать себѣ отчетъ въ томъ, чего стоила внутренняя организація лицея моего времени.

Начну съ того, что можно назвать духомъ заведенія, который слагается изъ традицій и поддерживается направлениемъ преподаванія. Въ этомъ отношеніи я долженъ остановиться прежде всего на томъ, что хотя весьма многіе изъ насъ принадлежали къ такимъ семействамъ, въ которыхъ дорожили не только словомъ, но улыбкою лицъ, властью имѣющихъ; хотя многіе изъ насъ видѣли предъ собою открытое признаніе придворнаго низкопоклонства, но въ средѣ нашей не только не проявлялось и тѣни лакейства, но проявлялась даже независимость, насколько это было мыслимо въ пятидесятихъ годахъ до вступленія на престолъ Александра II. Мы не только не завидовали раззолоченнымъ камеръ-пажамъ, но Пажескій корпусъ, съ тѣхъ поръ радикально преобразованный, презирали, какъ собраніе молодежи, ничему не учащейся. Съ гордостію указывали мы, бывало, и на то, что всѣ, провалившіеся на экзаменѣ изъ младшаго курса лицея (IV) въ слѣдующій, преблагополучно поступали въ “Школу подпрапорщиковъ” того времени. Лица, намъ преподававшія, настолько отличали лицей отъ другихъ закрытыхъ заведеній, воспитывавшихъ юношей нашего возраста, что жаловались даже намъ на свою горькую судьбу въ этихъ заведеніяхъ. Не забуду я того, съ какимъ негодованіемъ мы выслушали, на примѣръ, рассказъ весьма даровитаго профессора французской словесности А. Vaugeois, когда онъ передалъ намъ, какъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, въ одинъ прекрасный день, онъ, увлекшись лекціею, былъ пораженъ тѣмъ, когда взглянулъ на слушателей своихъ, какъ одинъ изъ нихъ, при всеобщемъ сочувствіи, изволилъ стать на скамейку ногами вверхъ и головою внизъ, выдрыгивая ногами. Такой случай въ лицей моего времени, по крайней мѣрѣ въ XX курсѣ, былъ бы невымыслимъ. Правда, что замкнутость вела къ школьничеству, которое поддерживалось и тѣмъ, что только старшимъ изъ насъ было 20 лѣтъ

при выпускѣ; но самое школьничество было иного характера и направленія.

Такъ, напимѣрь, между тѣмъ какъ юнкера и пажи того времени хвастали другъ передъ другомъ тѣмъ, кто кого перепьетъ и перещеголяетъ еще кое въ чемъ, у насъ хвастали тѣмъ, кто кого больше прочелъ. Твердо помню, до чего общественное мнѣніе нашего курса относилось пренебрежительно къ тому, который мало читалъ; до такой степени, что если, бывало, товарищъ спроситъ, “читалъ ли ты”, положимъ, “Гамлета”, то отвѣчаешь непременно “читалъ”, хотя бы еще не успѣлъ ознакомиться съ этимъ произведеніемъ, и отъ дальнѣйшихъ разспросовъ отдѣливаешься уклончивыми отвѣтами; самъ же спѣшишь достать себѣ книгу, прочесть ее украдкой и затѣмъ возобновить о ней разговоръ. Все это конечно школьничество, но тѣмъ не менѣе свидѣтельствуешь о хорошемъ духѣ заведенія. Нашъ курсъ читалъ такое множество книгъ, что вѣроятно, подъ вліяніемъ реакціи, наступившей въ Россіи и западной Европѣ послѣ печальнаго вырожденія республики во Франціи въ Наполеоновскую деспотію, у насъ была введена цензура¹⁵: было установлено, чтобы всякая изъ читающихся книгъ имѣла на себѣ подпись инспектора въ доказательство того, что она къ чтенію разрѣшается; помню какія вороха книгъ мы свозили по воскресеньямъ, возвращаясь изъ дому, оставляя въ швейцарской книги, которыя затѣмъ въ понедѣльникъ утромъ разносились по классамъ, за исключеніемъ отобранныхъ, о которыхъ начальство предполагало, что мы отвозили ихъ обратно домой, не читая ихъ. Въ числѣ такихъ книгъ оказались у меня на послѣднемъ курсѣ сочиненія Фейербаха и инспекторъ не рѣшался выдать мнѣ ихъ, но меня отстоялъ профессоръ университета, и у насъ читавшій, П. Д. Калмыковъ, доказавъ ему, что книга, мною привезенная, имѣетъ ближайшее отношеніе къ теоріи права и потому должна быть мнѣ разрѣшена. Само собою разумѣется, что товарищи обмѣнивались книгами между собою; нерѣдко бывали и диспуты о прочитанномъ и одну изъ любимыхъ темъ и бесѣдъ такого рода я помню: то было сравненіе характеровъ “Чайльдъ Гарольда” Байрона съ “Вертеромъ” Гете, “Печоринымъ” Лермонтова и “Евгеніемъ Онѣгинымъ” Пушкина; читали въ нашемъ курсѣ на русскомъ и трехъ иностранныхъ языкахъ, но на англійскомъ лишь немногіе, хотя всякій изъ насъ и долженъ былъ въ послѣднемъ курсѣ писать сочиненія по англійски. Я рѣшительно не помню, чтобы у насъ

читались романы; если и читались, то весьма рѣдко, а я не прочелъ въ лицѣ ни одного; но читалась масса классическихъ произведеній и научныхъ книгъ.

Поступили мы въ лицей съ весьма различною подготовкою, что касается чтенія: были въ нашей средѣ мальчики 13 и 14 лѣтъ, до этого возраста много прочитавшіе такого, что по силамъ этимъ лѣтамъ; но были и такіе, которые выросли на бессистемномъ и непосильномъ чтеніи и въ числѣ ихъ сынъ профессора З., который, забираясь въ библіотеку отца и глотая тамъ всевозможныя книги, не переваривая ихъ, къ четырнадцатилѣтнему возрасту выработалъ изъ себя “атеиста”, стараясь просвѣщать и насъ въ этомъ смыслѣ. Но на каникулахъ пришлось ему поселиться на дачѣ рядомъ съ католическимъ патеромъ, знакомство съ которымъ повело къ нескончаемымъ диспутамъ; результатомъ ихъ получилось не только то, что З. сталъ въ высшей степени религіознымъ, но и то, что онъ сталъ бояться ада и діавола, добычею котораго онъ себя считалъ за свой уже исчезнувшій атеизмъ; бѣдный З. заболѣлъ; я дежурилъ при немъ въ больницѣ и самъ былъ свидѣтелемъ потрясающей сцены: къ лицейской больницѣ съ грохотомъ подъѣхала карета; больной мой, лежавшій до тѣхъ поръ смирно, узнававшій меня, безошибочно произносившій алфавитный списокъ воспитанниковъ нашего курса, и только изрѣдко заговаривавшійся, вдругъ вскочилъ, зарыдалъ, затрясся и покрылся холоднымъ потомъ: “за мою душу пріѣхали, кажется”, кричалъ онъ пронзительнымъ голосомъ: “въ адъ повезутъ, прямо въ адъ”. Карета эта дѣйствительно предназначалась для З., котораго и отвезли въ лечебницу для душевнобольныхъ, откуда онъ возвратился на столько здоровымъ, что могъ окончить курсъ; но съ годъ послѣ выпуска онъ замѣнилъ дорогой бобровый воротникъ свой на пальто кошачьимъ мѣхомъ, поясняя, что дорогой воротникъ проданъ имъ въ пользу бѣдныхъ; затѣмъ посѣщавшій его товарищъ былъ свидѣтелемъ того, какъ З., увидѣвъ во дворѣ слѣпого, игравшаго на кларнетѣ, снялъ съ себя халатъ и туфли и выбросилъ ихъ въ окно нищему; послѣ этого несчастнаго З. потеряли изъ виду, но знали о немъ, что онъ кончилъ помѣшательствомъ, положившимъ предѣлъ слишкомъ рано развернувшейся жизни этого даровитаго юноши. Такого рода опасность не предстояла мнѣ, такъ какъ по причинамъ, и до сихъ поръ для меня не вполне разъясненнымъ, я почти ничего не прочелъ въ дѣтствѣ и къ названному мною “Робинзону”, прочитанному еще въ Новѣгородѣ, могъ бы добавить

развѣ исторію Ламе Флѣри и нѣскольکو повѣстей Нирица, произведшихъ на меня впечатлѣніе. Всегда бывши отличнымъ ученикомъ, я, до поступленія въ лицей, почти ничего не читалъ, хотя весьма хорошо владѣлъ французскимъ языкомъ и нѣмецкимъ, а по англійскому языку зналъ какъ разъ то, чего требовали, т. е. немного. Поступивъ въ лицей, я въ первое время сталъ лѣниться не только читать, но и готовить уроки и упросилъ нашего доктора принять меня на нѣскольکو дней въ больницу; докторъ Н. Л. Тавастъ никогда не былъ знаменитымъ врачомъ, но славился своею добротою и, какъ оказывается теперь, былъ педагогомъ въ душѣ: принимая меня въ больницу, онъ не видѣлъ во мнѣ лѣнтяя, котораго онъ портитъ, поощряя его лѣнь, но юношу пятнадцати лѣтъ, который себѣ немного оскомину набилъ ученіемъ и которому хотѣлось отдохнуть; допустивъ меня въ больницу, онъ далъ мнѣ поскучать нѣскольکو дней отъ одиночества и праздности, а затѣмъ сказалъ мнѣ: “не дать ли вамъ какую нибудь книгу почитать?” Это предложеніе было принято мною съ восторгомъ и я не прочелъ, а проглотилъ съ величайшимъ наслажденіемъ комедіи Мольера, присланныя мнѣ докторомъ. “Не пора ли въ лицей?” сказалъ мнѣ послѣ этого Тавастъ; “нѣтъ, дайте еще книгу”, отвѣчалъ я ему. “Ну, извольте; но это ужъ будетъ послѣдняя, не правдали?” “Даю слово”, сказалъ я съ достоинствомъ истаго питомца Крюммера. Проблаженствовавъ еще дня три надъ интересною книгою, я возвратился въ классъ навсегда выздоровѣвшимъ отъ нежеланія читать и съ этихъ поръ книги уже не выпускалъ изъ рукъ, а учиться сталъ лучше и настолько, что за послѣдніе три года пребыванія моего въ лицѣѣ непрерывно состоялъ первымъ по успѣхамъ и никогда ни изъ одного предмета не получалъ менѣе полного балла (12). Очень усердно занимаясь, я всегда находилъ время и читать и усвоилъ себѣ при этомъ методъ, который вѣроятно не мало содѣйствовалъ къ тому, чтобы я могъ надлежащимъ образомъ переваривать прочитанное: изучая въ послѣдніе три года исторію словесности русской, французской, нѣмецкой и англійской, я старался въ чтеніи, по возможности, поспѣвать за курсами профессоровъ и читать авторовъ именно тогда, когда разбирали ихъ на лекціяхъ профессора. Многіе изъ товарищей поступали такимъ же образомъ, при чемъ появилась въ насъ амбиція, отвѣчая профессору, отнюдь не придерживаться того, что за нимъ было записано нами на лекціи, но говорить непременно на основаніи самостоятельно прочитаннаго, чтобы не быть просто “казенникомъ”, или даже (о

ужась!) “ребенкомъ”. Не только по литературамъ, но и изъ многихъ наукъ старались мы отвѣчать “не по запискамъ”, но такъ, чтобы видѣли, что человѣкъ “читаетъ”. Это было несомнѣнно школьничествомъ для юношей лѣтъ 17 и 18, но такимъ, которое свидѣтельствовало, по направленію своему, о хорошемъ духѣ лица моего времени и заронило не въ одного изъ насъ истинную любовь къ знанію и дѣйствительное сочувствіе нравственнымъ интересамъ, не говорю уже объ обогащеніи знаніемъ и развитіемъ, такъ какъ не могло же оставаться безъ послѣдствій систематическое чтение такого множества книгъ, какое проходило чрезъ наши руки. Если я говорю о томъ, что ХХ курсъ лица читалъ со страстію и толкомъ; если я вспоминаю о томъ, что Б. и С. изучали съ блестящимъ успѣхомъ, но не безъ нѣкотораго фанфаронства, греческій и итальянскій языки, то я не хочу сказать этимъ того, чтобы и въ ХХ курсѣ не было молодцевъ, вполне достойныхъ прозванія “государственныхъ младенцевъ”; но такихъ было у насъ всего человѣкъ пять – шесть на двадцать пять воспитанниковъ, и для этого меньшинства попойки, волокитство и посѣщеніе цирка составили такую специальность по праздничнымъ днямъ, что и въ стѣнахъ лица они ни о чемъ больше не толковали и даже воспроизводили представленія цирка въ той изъ комнатъ, въ которой люди взрослые уединяются ежедневно на нѣсколько минутъ, и гдѣ учащаяся молодежь закрытыхъ казенныхъ учебныхъ заведеній собирается обыкновенно для митинговъ и куренья; но, повторяю, что значительное большинство нашего курса работало чрезвычайно усердно. Любопытно было бы дать себѣ теперь отчетъ въ томъ, какой образъ мыслей вырабатывался въ насъ лекціями и чтеніемъ? Мы были “либералами” для того времени, что выражалось нашею ненавистью къ произволу, къ палкѣ и солдатчинѣ, живымъ воплощеніемъ которой служилъ для меня одинъ изъ нашихъ “дядекъ” (служителей), унтеръ-офицеръ Новоселевъ, съ однимъ усомъ надъ губами; на вопросъ мой, куда дѣвался его второй усъ, Новоселевъ отвѣчалъ мнѣ: “ихъ сіятельство графъ Клейнмихель изволили вырвать на смотру”. Таковы-то были сороковые и начало пятидесятихъ годовъ, по которымъ и по настоящее время еще нѣкоторые у насъ вздыхаютъ. Лицеисты моего времени были представителями “статскихъ”, которыхъ въ эти времена господства военщины презрительно прозывали “штафирками”, а потому мы были глубоко оскорблены происшествіемъ съ барономъ Виттенгеймомъ, надѣлавшимъ въ свое время много шума: въ

Павловскѣ, на гуляньѣ, шель Виттенгеймъ съ родственницею своею, какъ подпившему и шедшему за нимъ гвардейцу вдумалось кулакомъ ударить его по круглой шляпѣ и надвинуть ему ее чуть не по шею; освободившись отъ этого удовольствія, Виттенгеймъ, не долго думая, обернулся и вытянулъ гвардейца своей тросточкой по лицу. Пошла потѣха по всему городу: штафирка осмѣлился ударить гвардейскаго офицера; по повелѣнію императора Николая былъ немедленно наряженъ надъ Виттенгеймомъ суд, у котораго стало однако мужества оправдать Виттенгейма; императоръ подчинился приговору суда, такъ какъ не сдалъ Виттенгейма въ солдаты, что въ то время дѣлалось весьма легко; но тѣмъ не менѣе онъ повелѣлъ посадить его на три дня на гауптвахту, говоря: “я все-таки не могу дозволить бить моихъ офицеровъ”. А мы, статскіе, развѣ чужіе, что-ли? Такъ разсуждала лицейская молодежь. Независимость наша проявлялась и въ томъ, что мы съ фанфаронствомъ не признавали авторитета генераловъ, которые въ то время были въ большомъ почетѣ, и никакими силами нельзя было настоять на томъ, чтобы мы отдавали имъ честь на улицѣ. Въ вопросахъ философскихъ и научныхъ, насколько они были намъ по силамъ, мы въ стѣнахъ лица раздѣляли наиболѣе передовыя воззрѣнія, не подчиняясь рутинному мнѣнію большинства современнаго общества; но современной жизни политической и общественной для насъ не существовало. Соціальный вопросъ, насколько могу припомнить, къ намъ вовсе не проникалъ, а о встрѣчавшихся въ исторіи попыткахъ къ ограниченію самодержавной монархіи мы бесѣдовали только шопотомъ, шопотомъ же рассказывая другъ другу о лицеистахъ, намъ предшествовавшихъ, которые бывали замѣшаны въ политическіе процессы; даже 1848 годъ прошелъ для насъ почти безслѣдно въ смыслѣ современной намъ политико-соціальной бури, такъ какъ въ то время въ русскихъ газетахъ можно было прочесть изъ современныхъ извѣстій о западной Европѣ развѣ о томъ, что лѣто 1848 года¹⁶ было очень жаркое, а о Россіи, гдѣ во многихъ областяхъ свирѣпствовали индѣйскій или китайскій голодъ, что “извѣстія объ урожаѣ не вполнѣ благопріятны”. Въ эти годы, когда правительственная политика состояла въ томъ, чтобы шпицрутенами законопатить малѣйшую щель въ Европу и самоуслажденіемъ готовить Крымскій разгромъ 1856 года, у насъ не было ни одной русской газеты въ настоящемъ смыслѣ слова, а иностранныя книги и газеты проникали съ такимъ трудомъ, что лишь крайне немногіе могли ими

пользоваться. Въ бытность мою въ лицѣ и даже въ самомъ началѣ воскресенія Россіи при Александрѣ II наши газеты печатали такъ мало извѣстій о Россіи, что я самъ, живя въ деревнѣ, нѣкоторое время получалъ бельгійскую газету “Le Nord”, такъ какъ она была официозною газетою русскаго правительства и въ ней говорилось о Россіи гораздо болѣе, нежели въ русскихъ газетахъ.

Мудрено ли, при такихъ условіяхъ, что лицеисты моего времени не жили современными интересами своего народа.

Воспитанная во мнѣ симпатія къ интересамъ нашего крестьянства поддерживалась только бесѣдою съ немногими изъ товарищей, которые, подобно мнѣ, имѣли случай сблизиться съ ними въ дѣтствѣ, и тѣмъ, что пансіонъ Филиппова, какъ я уже говорилъ, заронилъ въ меня педагогическую искру: съ самага поступленія въ лицей, даже еще раньше, проводя каникулы въ деревнѣ, я всегда обучалъ какого нибудь крестьянскаго мальчика. Лекціи профессоровъ могли лишь мало вліять на наше политическое развитіе и на народное направленіе, что станетъ понятнымъ читателю послѣ того, какъ онъ ближе ознакомится съ нашею учебною программою; единственнымъ профессоромъ, косвенно, но сильно поддержавшимъ выработанную во мнѣ раньше мечту о работѣ на благо крестьянъ, былъ профессоръ и извѣстный того времени ученый, Сахаровъ. Онъ читалъ намъ, быть можетъ никому изъ насъ ненужную палеографію, обучая насъ разбирать и воспроизводить древнія рукописи, написанныя уставомъ, полууставомъ и скорописью; но важно то, что онъ былъ изъ первыхъ собирателей народныхъ сказокъ и преданій и, записавъ ихъ, напечаталъ подъ именемъ: “Сказанія русскаго народа”. Нѣкоторые изъ насъ не только прочитали эту книгу, но и искали общества этого представителя народнаго начала въ нашей средѣ. Въ остальныхъ же курсахъ мы могли почерпнуть челоуѣчность, что и было въ высшей степени благодѣтельно, что и составило самое драгоцѣнное благо, вынесенное нами изъ лицея, но, мы лишь въ самой слабой степени могли чрезъ посредство профессоровъ развиться политически и сблизиться съ своимъ народомъ; такъ стояло въ первой половинѣ пятидесятихъ годовъ дѣло у насъ, которые были болѣе или менѣе забыты реакціею, какъ ничтожная, по числу, горсть мальчишекъ, а въ университетахъ того времени профессора пользовались, быть можетъ, еще меньшею свободою преподаванія, такъ какъ самыя университеты, число слушателей которыхъ было ограничено до смѣшнаго, считались не только роскошью, но вреднѣйшими

разсадниками “вольнаго духа”, котораго цензоръ не пропустилъ даже въ поваренной книгѣ Авдѣевой, совѣтовавшей хозяйкѣ поставить какое-то пирожное “въ вольный духъ”.

VI.

Постараюсь съ полною искренностію ознакомить читателей съ тѣмъ, чему и какъ насъ учили въ лицѣ двадцать восемь и болѣе лѣтъ тому назадъ; полагаю, что непредубѣжденный читатель, выслушавъ меня, согласится со мною въ томъ, что обученіе въ лицѣ представляло многія слабыя стороны, но что тѣмъ не менѣе не мало есть и основаній для моей признательности лицу и нѣтъ данныхъ на то, чтобы сравнительно съ университетами отзываться о лицѣ того времени, какъ о ничтожествѣ. Начну съ того, что обученіе продолжалось въ то время, какъ и теперь, шесть лѣтъ, но курсы были не годовые, какъ въ настоящее время, но полугодовые, а потому курсовъ было всего четыре и экзамены держались при переходѣ изъ курса въ курсъ; это представляло ту выгоду, что терялось меньше времени на экзамены, которыхъ было, считая и выпускной, всего четыре, а не шесть. Впрочемъ случайность, неразлучная съ экзаменомъ, въ значительной степени ослаблялась для послѣднихъ трехъ лѣтъ обученія, соотвѣтствовавшихъ университетскому курсу, такою организаціею репетицій въ теченіе года, которой я съ тѣхъ поръ, какъ школьное дѣло стало моею спеціальностію, не встрѣчалъ нигдѣ, ни въ Россіи, ни за-границей; эта организація была на столько цѣлесообразна и оригинальна, что я позволю себѣ ознакомить съ нею читателя. Въ первые три года обученія въ лицѣ спрашивали уроки, какъ въ гимназіяхъ, т. е. часть учебнаго часа затрачивали на преподаваніе, а остальное время на вопросы или же особый часъ посвящали переспрашиванію, никогда не имѣя возможности переспросить всѣхъ тридцати воспитанниковъ курса; понятно, что мы, какъ и гимназисты, всегда спекулировали на то, спросятъ ли меня сегодня, или нѣтъ? Не такъ стояло дѣло въ послѣдніе три года обученія, которые назывались старшимъ курсомъ. Для того, чтобы понять организацію “репетицій” въ этомъ курсѣ, представимъ себѣ, что учебный годъ начинается съ января мѣсяца; въ январѣ воспитанники совершенно свободны ежедневно до 12 часовъ, а профессора посѣщаютъ ихъ съ 12 часовъ и до 4 часовъ читаютъ имъ

лекції, никогда не предлагая имъ вопросовъ. Въ февралѣ и послѣдующіе мѣсяцы лекціи продолжаются ежедневно отъ 12 до 4 часовъ; но независимо отъ этого каждый изъ профессоровъ бываетъ въ лицѣ одинъ разъ въ недѣлю, а за мѣсяць четыре раза, отъ 9 часовъ утра до 11 часовъ для “репетиціи”, т. е. для провѣрочнаго испытанія по содержанію только тѣхъ лекцій, которыя прочитаны въ предъидущій мѣсяць. Такъ какъ каждый профессоръ бываетъ по четыре раза для провѣрки одной и той-же части курса, то приблизительно 25 воспитанниковъ класса подраздѣлены на четыре группы, называвшіяся “смѣнами”, и каждый день каждая смѣна сдаетъ по репетиціи только по одному предмету. Начавъ учебный годъ съ января мѣсяца, представимъ себѣ теперь, положимъ, первый учебный день февраля: отъ 9 часовъ до 11 час. 1-я смѣна имѣетъ репетицію по физикѣ, 2-я смѣна – по исторіи, 3-я смѣна по государственному праву, а 4-я по исторіи французской словесности. Результатомъ такого распредѣленія «репетицій» было то, что на смѣну изъ шести или семи слушателей каждый профессоръ располагалъ двумя часами для того, чтобы провѣрить, какъ усвоено содержаіе не болѣе осьми лекцій, съ которыми требовалось такого знакомства, чтобы слушатель былъ въ состояніи дать въ нихъ отчетъ безъ одного наводящаго вопроса, какъ бы самъ прочитать лекцію. Такой обстоятельной провѣркѣ подвергался непременно каждый слушатель изъ всѣхъ предметовъ, изъ всего пройденнаго по каждому предмету. За каждую мѣсячную репетицію ставилась отмѣтка и права при выпускѣ предоставлялись не согласно случайностямъ, сопряженнымъ со всякимъ экзаменомъ, но на основаніи средняго вывода изъ мѣсячныхъ репетицій за три года, одного переводнаго экзамена и выпускнаго. Если уже существуетъ такая система воспитанія, которая считаетъ возможнымъ предоставленіе чиновъ за успѣхи въ школѣ, то нельзя не сочувствовать тому, что въ лицѣ моего времени выпускной результатъ зависѣлъ не только отъ того, что слушатель подзубрилъ къ экзамену, но отъ того, сколько онъ проявилъ настойчивости въ занятіяхъ въ теченіе трехъ лѣтъ; на этихъ же основаніяхъ выдавались и медали, при чемъ принималось въ разсчетъ и такъ называемое “поведеніе”, но такъ, что я, на примѣръ, удостоенъ серебряной медали, вмѣсто золотой, за то, что два съ половиною года до выпуска въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ курилъ и такъ не ловко, что попадался и раза три сидѣлъ за куренье въ карцерѣ. Крайне нелѣпо было бы рекомендовать что нибудь похожее

на репетицію для университетовъ, которые предназначаются не для юношества только, но должны быть доступны всѣмъ взрослымъ, ищущимъ научнаго образованія по той, или иной спеціальности; но едва ли существовавшая въ мое время система репетицій, которая примѣнялась къ юношамъ 16 и 18 лѣтъ, не содѣйствовала въ значительной мѣрѣ къ тому, чтобы мы добросовѣстно работали, подъ опасеніемъ не случайнаго, но непрерывнаго, періодически ежемѣсячно наступавшаго контроля и къ тому, чтобы мы основательно усвоивали пройденное: прослушать цѣлый курсъ, или, прослушавъ его, проотвѣчать его отъ начала и до конца и прослушать его на репетиціяхъ вновь изъ устъ товарищей – не одно и то же. Впрочемъ, отдавая справедливость системѣ ежемѣсячныхъ репетицій, придуманной нашимъ инспекторомъ Н. И. Миллеромъ, я выражаю мнѣніе нашего курса, которое господствовало въ нашей средѣ въ то самое время, когда эта система насъ же заставляла работать; производительность нашей работы увеличивалась тѣмъ, что мы, какъ я уже говорилъ, старались побольше прочесть въ связи съ лекціями профессоровъ.

Въ мое время было лишь весьма немного такихъ профессоровъ, которые, занимаясь у насъ, не читали бы лекцій и въ университетѣ. Изъ такихъ профессоровъ при мнѣ были два, унаслѣдованные нами еще отъ Пушкинскаго лицея: Георгіевскаго, котораго мы прозывали “Пепка”, который читаль намъ короткое время какую-то невозможную піитику по своей книгѣ, прозванной нами “Пепкино свинство”, замѣнилъ у насъ профессоръ Гельсингфорскаго университета и впослѣдствіи академикъ Я. К. Гротъ¹⁷, который за три года прочиталь намъ весьма обстоятельный курсъ исторіи русской словесности, при чемъ меня и многихъ моихъ товарищей заражалъ свою высокою человѣчностью и назидательностью примѣра неусыпнаго труда подъ вліяніемъ любви къ своему дѣлу. Никакъ не сильнѣе Георгіевскаго былъ профессоръ Оболенскій, бывший инспекторомъ въ Царско-Сельскомъ лицей; въ мое время онъ, подъ именемъ государственнаго права, читаль намъ русскіе государственные законы, ни однимъ словомъ не касаясь теоріи права, сравнительнаго законодательства и исторіи права и притомъ по когда-то налитографированнымъ запискамъ, содержаніе которыхъ онъ зналъ наизусть и которое онъ могъ поэтому произносить во снѣ; результатомъ такого преподаванія было то, что и на “репетиціяхъ” нѣкоторые изощрились считывать отвѣтъ свой по запискамъ,

раскрытымъ за спиною дремлющаго профессора. Не преподавалъ въ университетѣ и профессоръ И. П. Шульгинъ, бывшій въ мое время главнымъ наблюдателемъ по преподаванію исторіи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и читавшій лекціи въ училищѣ правовѣдѣнія, въ лицей и старшихъ классахъ нѣкоторыхъ военно-учебныхъ заведеній. Какъ ни мало воспитывалъ насъ курсъ исторіи, но нельзя приравнивать И. Шульгина къ Георгіевскимъ и Оболенскимъ. Шульгинъ былъ человекъ очень знающій и способный, обладалъ хорошимъ даромъ слова, но къ тому времени, когда мнѣ пришлось его слушать, устарѣлъ и пересталъ трудиться надъ наукой и, пользуясь своимъ генеральскимъ чиномъ, былъ гораздо болѣе озабоченъ тѣмъ, чтобы новыя перепечатки составленныхъ имъ руководствъ находили себѣ сбытъ, такъ какъ онъ былъ обремененъ чрезвычайно многочисленнымъ семействомъ, нежели тѣмъ, чтобы увлечь слушателей. Но какъ ни старо было то, что намъ преподавалъ Шульгинъ и какъ ни клонили ко сну его самого его же лекціи, но курсъ его имѣлъ большое значеніе для моего развитія: Шульгинъ начиналъ, какъ оказалось впоследствии для меня изъ чтенія, съ весьма полнаго изложенія данныхъ изъ прекрасной книги Гизо “Исторія цивилизаціи въ Европѣ”, которая, представляетъ, какъ извѣстно одну изъ первыхъ, по времени, и, кажется мнѣ, до сихъ поръ еще не превзойденныхъ попытокъ прагматическаго или философскаго обзора древней и средней исторіи. Въ то время, когда я сдушалъ Шульгина, я выносилъ самое сильное впечатлѣніе отъ того, что впервые для меня выяснялось, преемственность и связь между различными фазисами развитія человѣчества; впервые выступали для меня причинность и взаимная зависимость историческихъ событій, которыя до тѣхъ поръ казались мнѣ по лекціямъ С. Н. Смарагдова, не насъ однихъ, но всю Россію того времени наградившаго своими учебниками, какими-то случайными происшествіями. И. П. Шульгинъ покачивается, бывало, на каѳедрѣ, машинально въ сотый разъ повторяя одно и то же и пробуждаясь всякія двѣ, три минуты для того, чтобы плюнуть, а я усердно за нимъ записываю и млѣю подъ впечатлѣніемъ отъ строгой логики Гизо. Этотъ вступительный курсъ, съ котораго И. П. Шульгинъ начиналъ курсъ новой исторіи, настолько пробудилъ во мнѣ интересъ и любовь къ исторіи, что послѣдующее изложеніе того же профессора было для меня горькимъ разочарованіемъ: начавъ съ такого прагматическаго изложенія событій, въ которомъ удѣлялось подобающее мѣсто политической

внутренней жизни народов; народнымъ и научнымъ движеніямъ, И. П. Шульгинъ представилъ намъ всю исторію отъ 1517 года до 1789 года ничѣмъ инымъ, какъ непрерывно смѣнявшимся стремленіемъ государствъ къ преобладанію одного надъ остальными и стремленіемъ поддержать политическое равновѣсіе въ Европѣ. Нельзя отрицать того, что таковъ былъ и есть характеръ международной жизни Европы; намъ неизмѣримо важнѣе и интереснѣе прослѣдить не за тѣмъ, какъ государства соперничали другъ съ другомъ во внѣшней политикѣ, но за внутреннею политикою главнѣйшихъ государствъ, за умственнымъ развитіемъ народовъ, которымъ часто обуславливалась и самая внѣшняя политика. И. П. Шульгинъ ничего не видѣлъ изъ-за “политическаго равновѣсія” и настолько, что проглядѣлъ даже реформацію Лютера на цѣлыя 150 лѣтъ (отъ 1517 до 1648 г.), обусловившую всѣ европейскія событія, и періодъ реформаціи подраздѣлялъ на шесть періодовъ, называя ихъ, крайне характеристично для своего курса, такимъ образомъ: стремленіе Франціи къ преобладанію (намекъ на Франциска I), преобладаніе Австро-Испаніи, преобладаніе Испаніи, стремленіе Австріи къ преобладанію, преобладаніе Франціи на юго-западѣ Европы (Людовикъ XIV) и наконецъ преобладаніе Швеціи на сѣверо-востокѣ Европы (Густавъ Адольфъ). Всѣ эти шесть періодовъ профессор втискивалъ въ вѣкъ реформаціи, возстанія въ Нидерландахъ, англійской революціи, инквизиціи и цензуры, самыми названіями періодовъ какъ бы отводя глаза отъ главныхъ событій. Уже въ лицѣ чувствовалъ я, слушая И. Шульгина, что тутъ дѣло не ладно, и хотѣлось мнѣ иной пищи; тѣмъ не менѣе не могу не признать того, что я Шульгину и лицемъ обязанъ самымъ возбужденіемъ аппетита, за удовлетвореніе котораго я усердно принялся послѣ выпуска изъ лица, проклиная И. П. Шульгина за то, что за три года онъ не сдѣлалъ намъ ни одного указанія на литературу исторіи и источники и за то, что на время отъ 1789 года по 1815 онъ только намекнулъ, а о всѣхъ событіяхъ, послѣдовавшихъ за 1815 годомъ, не произнесъ ни одного слова.

Теперь-то и уже давно я понимаю, что не отъ И. П. Шульгина зависѣла та поспѣшность и краткость, съ которою онъ излагалъ первую французскую революцію, а отъ того времени, когда онъ читалъ свой курсъ; умолчаніе же о девятнадцатомъ вѣкѣ пришлось тѣмъ болѣе простить профессору и лицемъ моего времени, что не только въ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ университетахъ нашихъ

дней весьма часто всеобщую историю заканчивают еще вѣнскимъ конгрессомъ 1815 года, считая болѣе безопаснымъ предоставить молодежи случайно и безъ критики ознакомиться съ тѣмъ, что вынесено Европою съ начала текущаго вѣка вмѣсто того, чтобы посвятить ее въ это недавнее прошлое, безъ котораго настоящее вполне не понятно, систематически и предостерегая отъ увлеченій и ошибокъ. Но если не помышляютъ объ этомъ теперь, то тѣмъ менѣе думали объ этомъ въ мое время, когда такой почтенный ученый и настолько развитой человекъ, какимъ былъ П.Д. Калмыковъ, три года читавшій намъ историю русскаго права, настолько старался растянуть свой курсъ, чтобы – Боже сохрани! – не добратъся до бывшихъ у насъ попытокъ къ ограничению монархической власти; хотя П. Д. Калмыкову и удалась его военная хитрость и ему удалось избѣжать щекотливой темы, лгать о которой ему не хотѣлось, но курсъ его имѣлъ для насъ большое воспитывающее значеніе въ особенности потому, что курсъ русской и всеобщей истории, какъ я уже говорилъ, оставался безъ всякаго вліянія на наше политическое воспитаніе.

Исторія русскаго права читалась у насъ, какъ и большинство наукъ, профессоромъ университета. Такъ и Я. Баршевъ, и Ивановскій, и Милютинъ, которые читали у насъ, Баршевъ – римское право и историю его, юридическую энциклопедію, уголовное право и уголовное судопроизводство, Ивановскій – статистику Россіи, статистику европейскихъ государствъ, политическую экономію и дипломатію, и Милютинъ – полицейское право, - читали лекціи и въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ только по нѣкоторымъ предметамъ курсы были полнѣе; гражданское право, финансовое право и гражданское судопроизводство были у насъ, къ сожалѣнію, предоставлены злосчастному профессору Оболенскому, о которомъ я уже упоминалъ.

Всѣми юридическими науками занимался я съ такимъ увлеченіемъ въ лицей, что могъ бы привести теперь, по воспоминаніямъ, подробную характеристику каждаго курса; но это отвлекло бы меня слишкомъ далеко отъ основной мысли моей прослѣдить за тѣмъ, какое значеніе для моего воспитанія и развитія имѣлъ лицей. Поэтому я ограничусь указаніемъ на то, что лекціи названныхъ профессоровъ, кромѣ Оболенскаго, возбуждали во мнѣ жажду знаній политическихъ наукъ въ такіе ранніе годы, что восемнадцати лѣтъ отъ роду я не только прочиталъ съ величайшимъ наслажденіемъ, но изучилъ въ подлинникъ “Духъ законовъ” Монтескье, и драгоценный

экземпляръ этой книги, испещренный юношескими замѣтками, хранится до сихъ поръ въ моей библиотекѣ, какъ одна изъ первыхъ научныхъ книгъ, пріобрѣтенныхъ мною на мои, въ то время крайне ничтожныя, средства: до самаго выпуска изъ лица, въ которомъ я окончилъ курсъ на двадцать первомъ году, получалъ я ежемѣсячно только по пяти рублей на извозчиковъ и перчатки; но я ходилъ пѣшкомъ и пріучилъ себя никогда не надѣвать перчатокъ, а всѣ карманныя деньги, по возможности, затрачивалъ на книги, которыя покупалъ обыкновенно на Толкучемъ рынкѣ, на Большой Садовой, для того, чтобы достались онѣ мнѣ подешевле; такимъ путемъ добылъ я себѣ и “Esprit des lois” Montesquieu, книгу, произведшую на меня громадное впечатлѣніе. Я касаюсь всего этого для того, чтобы охарактеризовать лицей и выяснить читателю, что я имѣю основаніе быть благодарнымъ этому учебному заведенію. Съ чтеніемъ “Духа законовъ” почти совпало, по времени, насколько могу припомнить, событіе, происшедшее только для меня одного и только во мнѣ самомъ, но событіе первой важности, также свидѣтельствующее, если не ошибаюсь, о томъ, что нашъ курсъ могъ быть благодаренъ лицу: слушая каждаго изъ профессоровъ въ отдѣльности, прислушиваясь къ тому, какъ каждый изъ нихъ надрывался для того, чтобы доказать всю важность своей науки, я сначала поддавался обаянію каждаго изъ ораторовъ поочередно и думалъ, бывало: “и какъ бы я остался человѣкомъ, еслибы не именно этотъ благодѣтель раскрылъ предо мною тайны своей науки”. Но довольно скоро наступила минута, настолько потрясшая все мое существо, что помню ее живо: я сказалъ себѣ, что наука одна, что задача ея состоитъ въ изученіи человѣка и природы и что различныя науки, по которымъ читаются лекціи подъ разными названіями, ни что иное, какъ различныя точки зрѣнія все на того же человѣка и его дѣятельность и на природу; я былъ необычайно счастливъ этому “открытію” и долго, очень долго ощущалъ доставленное мнѣ имъ наслажденіе.

Полагаю, что я могъ набрести на указанную мысль, послужившую для меня новымъ побужденіемъ учиться, благодаря философскому направленію читавшихся у насъ курсовъ по юридическимъ наукамъ и благодаря тому, что исторія англійской словесности (читалъ ее лекторъ университета, чрезвычайно даровитый M-ter Schaw), а въ особенности французской – читались у насъ въ теченіе трехъ лѣтъ чрезвычайно обстоятельно, при чемъ профессора отнюдь не ограничивались разборомъ только изящныхъ

произведений съ точки зрѣнія эстетической, но старались всякое литературное произведеніе связать съ его временемъ и не чуждались исторіи научнаго и философскаго развитія своего народа.

Лекціи француза А. Vougeault, котораго я уже имѣлъ случай назвать, бывали для меня и многихъ моихъ товарищей такимъ наслажденіемъ, что и нѣсколько лѣтъ спустя я не забылъ о Vougeault и въ водоворотѣ парижскихъ развлеченій, и разыскалъ его въ Парижѣ, куда онъ къ тому времени удалился, оставивъ профессуру. Но съ именемъ почтенныхъ Бужо и Шау связываются и иныя воспоминанія, не рекомендующія лица моего времени: этихъ почтенныхъ ученыхъ заставляли продѣлывать въ младшемъ курсѣ лица такія вещи, при воспоминаніи о которыхъ разбираетъ смѣхъ; дѣло въ томъ, что англичанинъ Шау, обладавшій серіознымъ филологическимъ образованіемъ, преподавалъ мальчикамъ пятнадцати лѣтъ ботанику на англійскомъ языкѣ, а Бужо, имѣвшій вѣроятно такое же понятіе о зоологіи, какъ Шау о ботаникѣ, преподавалъ зоологію на своемъ языкѣ. Легко представить себѣ, какіе ничтожные результаты могло давать такое преподаваніе, а потому нетрудно понять и то, что не всегда пришлось мнѣ вспоминать со смѣхомъ о томъ, какъ въ мое время относились въ лицѣѣ къ естественнымъ наукамъ; мнѣ пришлось учиться имъ уже послѣ выпуска изъ лица, когда я понялъ, что образованіе безъ нихъ немыслимо и когда я уразумѣлъ насколько методъ ихъ важенъ и для наукъ политическихъ и философскихъ, съ которыми я сроднился еще въ лицѣѣ на всю жизнь. Изъ естественныхъ наукъ преподавались у насъ дѣльно только физика и химія (читалъ ихъ извѣстный Щегловъ) и математика (Р. Щиглевъ и академикъ Чебышевъ); но, какъ я уже говорилъ, лишь немногіе изъ насъ увлекались этими предметами и я не былъ въ числѣ ихъ. Для того, чтобы развернулась предъ читателемъ вся программа университетскаго курса лица, во всей ея полнотѣ и пестротѣ, мнѣ остается упомянуть лишь о нѣмецкой словесности, на преподавателя которой мы только въ послѣднее время были счастливы (г. Мюнуловъ) и о сельскомъ хозяйствѣ. Какъ? Въ лицѣѣ читали сельское хозяйство! Да, читатель, и читалъ его профессоръ университета Усовъ, въ высшей степени почтенный человѣкъ, увлекавшійся своимъ предметомъ. Въ то время организаторы программы лица разсуждали вѣроятно такъ, какъ полагаютъ въ наше время многіе изъ ревнителѣй народной школы, считающіе возможнымъ втискать въ народную школу все то, что

полезно, безъ всякаго отношенія къ тому, насколько школьникамъ удастся осилить всѣ навязываемыя имъ благодѣянія. Такъ какъ многимъ изъ насъ предстояло хозяйничать послѣ выпуска изъ лица, то и признано было “полезнымъ” ввести въ нашу учебную программу сельское хозяйство; но такъ думало начальство, а большинство слушателей, готовя себя для государственной службы и благодаря невѣжеству своему въ естественныхъ наукахъ, на которомъ я уже останавливался въ читателѣ, считало курсъ сельскаго хозяйства вздоромъ¹⁸ и не иначе, какъ со смѣхомъ относилось къ тому, что директору вздумалось въ огромномъ лицейскомъ саду, въковыя липы котораго, были насажены еще Теофаномъ Прокоповичемъ, отдѣлить несколько десятковъ квадратныхъ сажень подъ “опытное поле”, дѣйствительно представлявшее карриатуру, какъ по микроскопичности размѣровъ, такъ и по результатамъ культуры.

Я съ полною искренностію остановился на недостаткахъ лицейской программы моего времени, совершенно рационально, по моему мнѣнію, стремившейся къ энциклопедичности образованія, имѣющей свое значеніе въ государствѣ, нуждающемся и въ спеціалистахъ, но пересаливавшей многопредметностію, настолько обширною, что я забылъ напримѣръ упомянуть о томъ, что въ лицѣ, помнится мнѣ, три часа въ недѣлю, въ теченіи шести лѣтъ, посвящались латинскому языку, въ познаніяхъ по которому мы добирались до чтенія Энеиды Виргилія подъ руководствомъ профессора университета Лапшина. Но, думается мнѣ, если подвести итогъ всему сказанному и о школьничествѣ нашемъ, и о нашихъ занятіяхъ, то не останется мѣста для удивленія тому, что я вспоминаю о лицѣ съ признательностію. При всемъ обиліи воспоминаній о лицѣ, видное мѣсто въ средѣ ихъ занимаетъ для меня то, что уже въ младшемъ курсѣ лица, на шестнадцатомъ году отъ роду, я преподавалъ, чѣмъ и сказала, еще раньше во мнѣ выработанная, какъ извѣстно читателю, склонность къ педагогіи. Тутъ мнѣ пришлось обучать русскому языку сына тогдашняго генеральнаго консула нашего въ Триестѣ, графа Кассини, который поступилъ въ лицей въ срединѣ года, отлично подготовленнымъ за границей по всѣмъ предметамъ, но не зная ни одного слова по русски; я отозвался на вызовъ директоромъ желающихъ преподавать Кассини русской языкъ и дѣло, благодаря богатымъ дарованіямъ ученика, пошло настолько успѣшно, что черезъ годъ нашъ иностранецъ совершенно обрусѣлъ, продолжая владѣть въ совершенствѣ своимъ роднымъ

италіанскимъ языкомъ, и кромѣ того французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ. Въ старшихъ курсахъ особенно труднымъ предметомъ считалась у насъ “теорія уголовного права” и немалое наслажденіе доставляло мнѣ то, что нерѣдко находились желающіе послушать передъ “репетиціею” моихъ разъясненій въ этомъ отношеніи; это удовлетворяло моей страсти, моей потребности преподавать. Не затерялось во мнѣ и еще одно педагогическое воспоминаніе изъ лицейской жизни: законоучителемъ лица состоялъ докторъ богословія о. І.С. Кочетовъ, который читалъ намъ, согласно распоряженію того времени, касавшемуся и университетовъ, психологію и логику; при домово́й церкви лица, въ которую одно время насъ обязательно водили не только къ обѣдни, но и ко всенощной, по субботамъ, думая расположить насъ этимъ къ религіи, состояли особый священникъ и діаконъ, посвященный изъ дьячковъ. Съ этимъ-то діаконъ и пришлось мнѣ сойтись на поприщѣ педагогіи, такъ какъ онъ былъ единственнымъ наставникомъ приюта, въ составъ котораго входили дѣти лицейскихъ служителей; ежедневно ребяташки по утрамъ собирались въ нашъ предбанникъ, служившій имъ классной комнато́й, и тамъ поучались отцомъ діаконъ по всѣмъ правиламъ педагогіи духовнаго вѣдомства того времени, т. е. при непрерывномъ сѣченіи; при этихъ занятіяхъ случалось мнѣ присутствовать, при чемъ я былъ разъ и на такъ называемомъ “уроку послушанія”. Такимъ урокомъ отецъ діаконъ, котораго у насъ просто прозывали Михеемъ, называлъ упражненіе, состоявшее въ томъ, что онъ скомандуетъ “руки накрестъ, руки вверхъ, лѣвую вверхъ, руки впередъ” и проч. и непременно поколотитъ того изъ малютокъ, который не довольно быстро исполнитъ требуемое тѣлодвиженіе, или прозѣваетъ команду.

VII.

Время, проведенное мною въ лицѣ, связывается для меня, по воспоминаніямъ, съ нѣкоторыми изъ моихъ родственниковъ, у которыхъ я бывалъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ и общество которыхъ на мнѣ отразилось. Къ числу такихъ воспитателей моихъ долженъ я отнести покойнаго графа М. А. Корфа, котораго я часто видѣлъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Помню, что его умъ и образованіе производили на меня впечатлѣніе въ

особенности потому, что я считалъ его “изъ нашихъ”, такъ какъ дядя окончилъ курсъ въ томъ же лицѣ въ одно время съ Пушкинымъ; уже 32 лѣтъ отъ роду, если не ошибаюсь, былъ онъ тайнымъ совѣтникомъ, но это не производило на меня никакого впечатлѣнія; скажу болѣе, что я на двадцатомъ году не понималъ даже того, какимъ образомъ высокая человѣчность и разностороннѣйшее развитіе этого въ высшей степени даровитаго и честнаго государственнаго дѣятеля мирились съ угодливостію по отношенію ко двору. Его карріера не только не привлекала меня, а служила мнѣ какъ бы предостереженіемъ противъ государственной службы, успѣхъ на которой, какъ я тогда рассуждалъ, покупается только цѣною самостоятельности и независимости; эти раннія размышленія вѣроятно не остались безъ вліянія на то, что впослѣдствіи, по окончаніи курса, я оставался на коронной службѣ, не считая выборной, всего полтора года за всю мою жизнь и что уже въ ранней молодости выработалось во мнѣ честолюбіе особаго рода: не быть ничѣмъ *ex officio* и чѣмъ нибудь *de facto*. Но графъ Корфъ дѣйствовалъ на меня обаятельно, какъ директоръ публичной библіотеки, которой онъ былъ преданъ съ увлеченіемъ и страстію, а во мнѣ уже рано развилась слабость къ книгамъ. Сильное впечатлѣніе производило на меня и то, что мнѣ случалось присутствовать при чтеніи дядей въ своей семьѣ отрывковъ изъ дневника¹⁹, который онъ велъ за десятки лѣтъ и хранилъ въ величайшемъ порядкѣ; независимо отъ интереса, возбуждавшагося самимъ содержаніемъ, во мнѣ это чтеніе поселяло какое-то неопредѣленное, но и непреодолимое желаніе послужить обществу и сдѣлать что нибудь для отечества; молодость всегда преувеличиваетъ свои силы, а потому и не опасна та молодежь, которая воображаетъ себѣ, что призвана къ чему-то великому, лишь бы обстоятельства направили эти силы на благо и дали исходъ избытку силъ. Чего не затѣетъ юноша, для котораго существуютъ не одни матеріальные интересы?... Предъ какою трудностію онъ остановится? Ни предъ чѣмъ! Такъ и я, лѣтъ девятнадцати отъ роду, еще бывши въ лицѣ, задумалъ переводить трагедію Корнеля, съ подлинника на нѣмецкій языкъ, который въ ту минуту, подъ вліяніемъ только что прочитанныхъ мною гекзаметровъ Мессіады Клопштока, почему-то казался мнѣ какъ бы специально предназначеннымъ для “высокаго стиля”. Въ то же время написалъ я три повѣсти, существующія въ рукописи и по нынѣ въ качествѣ пожизненно заключенныхъ, просто

по той причинѣ, что отъ этой неволи никто ничего не потерялъ и не потеряетъ. Вкусъ къ этимъ литературнымъ шалостямъ, нисколько не мѣшавшимъ мнѣ впрочемъ пожирать “запрещенныя” въ то время записки по всеобщей исторіи профессора педагогическаго института Лоренца, появился во мнѣ подъ вліяніемъ высоко даровитаго и, къ несчастію, еще въ молодые годы умершаго, другаго дяди моего, барона Ѳедора Ѳедоровича Корфа, извѣстнаго въ исторіи нашей литературы по его “Воспоминаніямъ о Персіи”, весьма остроумнымъ фельетонамъ его въ газетѣ “Русскій Инвалидъ” и нѣсколькимъ, и по настоящее время еще играющимъ, комедіямъ. Съ какимъ восторгомъ услышалъ я разъ изъ сосѣдней комнаты, когда дядя считалъ меня ушедшимъ, какъ онъ сказалъ своей женѣ: “вотъ единственный человѣкъ въ нашей семьѣ, который будетъ писать”; съ восторгомъ услышалъ я это потому, что очень довѣрялъ мнѣнію дяди, а всякаго автора въ то время, по идеализму моего направленія, считалъ чуть не посланникомъ небесъ; въ молодости вѣдь не представляются люди, торгующіе совѣстью и перомъ, не представляются литераторы-хамелеоны, литераторы-пресмыкающіеся, литераторы-доносчики; не представляются въ это блаженное время даже литераторы-тупицы; я по крайней мѣрѣ относился, въ бытность мою въ лицѣ, къ “писателю”, какъ къ “учителю”, а это послѣднее званіе, какъ я уже сообщалъ, издавна пользовалось большимъ почетомъ въ моихъ глазахъ и тѣмъ большимъ, что за время моего воспитанія въ лицѣ я не разъ успѣлъ подмѣтить, какъ недостойно общество относится къ гувернерамъ и гувернанткамъ, которыя, напротивъ, всегда пользовались моимъ особеннымъ расположеніемъ, какъ педагоги и какъ угнетенные, а я собственнымъ опытомъ извѣдалъ, что значить гнеть.

Баронъ Н. А. Корфъ.

КОММЕНТАРИИ

1. Н.А. Корф скончался на 49-м году жизни 13 (25) ноября 1883 года – через 1 год и 4 месяца после написания этих строк. Записки его остались незавершенными.

2. Письма эти изданы биографом Н.А. Корфа М.Л. Песковским отдельной книгой под названием «Барон Н.А. Корф в письмах к нему разных лиц» С.-Петербург., Изд. ред. журнала «Русская старина», 1895 г.

3. Жена Н.А. Корфа Мария Михайловна Клевцова (род. в 1837 г.) – дочь Михаила Сергеевича Клевцова, помещика из села Андреевка-Клевцово Александровского уезда Екатеринославской губернии (Теперь село Искра Великоновоселковского района Донецкой области).

4. Отец Н.А. Корфа Александр Федорович (Александр Николаус Генрих Фридрих) Корф (1803-1846) барон, штабс-капитан, управляющий коллегии в Новгороде. Его предки, прибалтийские немцы, жили в Вестфалии, где фамилия Корф упоминается еще в XIII веке. В Российской империи род обрусевших баронов и графов Корф был внесен в матрикулы дворянства всех трех прибалтийских губерний и в родословные книги Санкт-Петербургской, Московской и Харьковской губерний.

5. Тетя Н.А. Корфа – Татьяна Тимофеевна Корф, как и его мать Елизавета Тимофеевна, была дочерью владельца соседнего с Нескучным села Времьевка.

6. Деревня Нескучная Александровского (с 1872 года Мариупольского) уезда Екатеринославской губернии – теперь село Нескучное Великоновоселковского района Донецкой области). Здесь Н.А. Корф жил и работал с 1856 по 1872 и потом с 1880 по 1883 годы.

7. Н.А. Корф умер в 1883 году в Харькове. Там и похоронен.

8. Корф Николай Васильевич, двоюродный брат Н.А. Корфа, унаследовал от матери Татьяны Тимофеевны деревню Погромец, передав ее затем своей дочери Марии и ее супругу – ведущему актеру, а потом директору Малого театра в Москве Александру Ивановичу Сумбатову-Южину. Вторая дочь Николая Васильевича была замужем за еще одним ведущим актером того же Малого театра Александром Павловичем Ленским.

9. Сын Д.Д. Градовского, учившийся в семейной школе своего отца, - Александр Дмитриевич Градовский впоследствии был профессором Петербургского университета. Преподавал историю права, работал в этой области как ученый. Как публицист А.Д. Градовский активно выступал в печати в защиту демократических реформ 60-х – 70-х годов XIX века, участником и защитником которых был и сам Н.А. Корф.

10. В 1858 году производилась перепись населения в принадлежавших Н.А. Корфу селах Нескучное и Темировка. В этой переписи (так называемой «Ревизской сказке») значится, в частности, Мороз Максим Петрович, 1802 года рождения. В то время, когда маленький Коля жил в Погромце, М.П. Морозу было около 40 лет.

11. В Женеве Н.А. Корф находился в вынужденной эмиграции с 1872 по 1880 год.

12. Сестры Н.А. Корфа (дочери А.Ф. Корфа от второго брака) – Анна Елизавета Августа Корф, по мужу Бауман (1837-1882) и Ольга Корф по мужу Фон Шварц (1840-1903). Ольга впоследствии жила рядом с Н.А. Корфом в с. Скудное Екатеринославской губернии. Ее муж Владимир Фон Шварц, как и брат последнего Владислав Фон Шварц были активными земскими деятелями, помогали Н.А. Корфу в организации земских школ.

13. Уже занимаясь делами народного образования в Александровском уезде, Н.А. Корф выразил свое почтение к «Евангелию», как к «великой книге» тем, что дарил эту книгу каждому ученику земской школы после окончания им первого класса. Сотни экземпляров «Евангелия» разошлись тогда по крестьянским хатам, где они были, в большинстве своем, первыми и единственными на тот момент книгами.

14. Паульсон Иосиф Иванович (1825-1898), как и Н.А. Корф, был известным методистом начального обучения, состоял с Николаем Александровичем в переписке, присылал книги для школьных библиотек Александровского уезда, в том числе и написанные им самим учебники. Так, в 1869 году Александровский училищный совет заказал 1200 экземпляров «Первой учебной книги» Паульсона, только что вышедшей из печати.

Паульсон издавал также журнал «Учитель», в котором печатались статьи Н.А. Корфа. Под непосредственным наблюдением И.И. Паульсона в Петербурге была издана книга Н.А. Корфа «Русская начальная школа».

15. Н.А. Корф и впоследствии не раз страдал от цензуры и как автор, и как общественный деятель, старавшийся возможно шире распространить книги среди простого народа. Жестокая цензура буквально погубила, например, первые школьные библиотеки, открытые Н.А. Корфом. В своем «Отчете... за 1882-83 учебный год» Николай Александрович вспоминал: «... еще в 1868 году, по ходатайству моему, Александровский училищный совет организовал в пределах тогдашнего Александровского уезда восемь библиотек, но в начале семидесятых годов состоялось распоряжение отнять из них все книги, не поименованные в каталоге Министерства народного просвещения, который в то время был настолько неполон, что все восемь библиотек были уничтожены. ... и в настоящее время Мариупольскому земству предстоит устраивать дело вновь».

16. 1848 год и для Екатеринославской губернии, где А.Н. Корфу пришлось потом работать, был характерен не только жесточайшей засухой, уничтожившей все посевы, но и эпидемией холеры. За один год в губернии, общее население которой тогда составляло около 450 тысяч человек от голода и холеры умерло 90800 человек или каждый пятый житель. Катастрофический неурожай, распространившийся на всю Россию, повторился и в 1850 году.

17. Грот Яков Карлович (1812-1893) сам закончил Царскосельский лицей в 1832 году, а с 1852 года на протяжении 10 лет заведовал в том же лицее (теперь уже Петербургском) кафедрой словесности. Он также преподавал будущему императору Николаю II русский и немецкий языки, историю и географию. С 1884 года возглавлял Академию наук. Занимался финским и шведским языками, историей русской словесности, написал большую биографию Державина.

С Николаем Александровичем Корфом Я.К. Грот поддерживал связь и после окончания тем лица, состоял с ним в переписке. В одном из писем в Нескучное Грот, в частности, писал: «... что до меня, то я всегда с особым удовольствием вспоминаю Ваши занятия в лицее, ваш курс был вообще одним из таких, о котором профессору впоследствии весело вспоминать. За Вашей деятельностью я всегда следил, сколько мог, по газетам, и радовался статьям Вашим, в которых, кроме благородного образа мыслей и основательности познаний, обращает на себя внимание еще и прекрасное перо. Задатки этого я видел еще в лицейских Ваших упражнениях и не забыл Вашего сочинения об истории Карамзина».

18. Тем не менее и этот курс Н.А. Корф освоил вполне основательно, а потом еще и пополнил свои знания самообразованием. В результате он не только смог написать для крестьян популярную брошюру о самом опасном в то время сельскохозяйственном вредителе: «Хлебный жук (кузька)». Спб., 1883., а для календаря издателя А.С. Суворина статью о системе облесения степей, разработанной лесоводом Граффом В.Е., но и помогал чиновнику министерства гос. имуществ С.П. Щепкину собирать различные сведения о развитии сельского хозяйства на юге России.

19. В 2003 году издательством «Захаров» была выпущена книга Корф М.А. Записки. (М.: Захаров, 2003. – 720 с.) – в которой, вероятно, использовались и те дневниковые записи, которые в свое время так восхищали Н.А. Корфа.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Александр II Николаевич (1818-1881) – император России	13, 37, 43
Александр Федорович см. Корф А.Ф.	15, 17
Александр Яковлевич – см. Филиппов А.Я.	29, 30-35, 43
Альберти Елена Ивановна – няня Н.А. Корфа	24
Байрон Джорж Ноэл Гордон (1788-1824) – английский поэт ...	38
Баршев Яков Иванович (1807-?) – профессор уголовного и полицейского законов в Петербургском университете. Читал лекции в лицее	49
Бауман (Корф) Анна Елизавета Августа (1837-1882) – сестра Н.А. Корфа по отцу	57
Бешра – учитель в домашней школе Д.Д. Градовского в дер. Волчье Воронежской губернии	22, 24
Браневский М.Б. – директор Петербургского лицея в годы учебы Н.А. Корфа	36
Бужо А. – преподаватель французской словесности в лицее ...	37, 51
Вергилий Марон Публий (70-19 г. до н. э.) – римский поэт	52
Виттенгейм – барон	41, 42
Георгиевский – преподаватель Петербургского лицея	46, 47
Гете Йоган Вольфган (1749-1832) – немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель	38
Гизо Франсуа Пьер Гийом (1787-1874) – французский государственный деятель, историк, академик	47
Градовский Александр Дмитриевич – профессор-правовед, публицист	56
Градовский Д.Д. – отец Градовского А.Д.	18, 19, 22, 24, 29
Графф Виктор Егорович (1819-1867) – автор системы степного лесоразведения	58
Гроздов Ф.В. – владелец частного учебного пансиона	29
Грот Яков Карлович (1812-1893) – русский филолог, академик, профессор Петербургского лицея	46, 57
Густав II Адольф (1594-1632) – король Швеции с 1611 г.	48
Державин Гавриил Романович (1743-1816) – русский поэт	57
Дюрон – швед, преподаватель гимнастики в пансионе А.Я. Филиппова	30
Засядко – воронежский помещик	18
Ивановский – профессор Петербургского университета, преподавал в лицее статистику и др.	49
Калинич Фотий Петрович – преподаватель чистописания в Петербургском лицее	35
Калмыков П.Д. – профессор, правовед, преподаватель	

Петербургского лицея	38, 49
Карамзин Н.М. (1766-1826) – писатель, историк	58
Кассини – граф, генеральный консул России в Триесте	52
Клевцов М.С. – помещик Александровского уезда, отец	
Клевцовой М.М.	56
Клевцова Мария Михайловна – жена Н.А. Корфа	12, 56
Келлер Е.Ф. – тетья Н.А. Корфа со стороны отца	34
Клейнмихель – граф, военначальник	41
Клопшток Фридрих (1724-1803) – немецкий поэт	
Просвещения	54
Корнель Пьер (1606-1684) – французский драматург,	
академик	54
Корф Александр Федорович (1803-1846) – отец Н.А. Корфа ...	13-17, 19,
	23, 56
Корф Модест Андреевич (1800-1876) – граф, русский	
государственный деятель, историк, управляющий	
Императорской публичной библиотекой, двоюродный дядя	
Н.А. Корфа	5, 32, 53,
	54, 58
Корф Николай Васильевич – двоюродный брат Н.А. Корфа	18, 56
Корф Татьяна Тимофеевна (в девичестве Времьева) – тетья	
Н.А. Корфа по матери	14, 18, 22-
	24, 29, 56
Корф Федор Федорович – барон, русский писатель,	
дипломат, дядя Н.А. Корфа со стороны отца	55
Кочетов И.С. – доктор богословия, законоучитель	
Петербургского лицея	53
Крюммер – директор и владелец частного учебного пансиона	
в г. Верро	25-29, 32,
	35, 40
Лапшин – профессор Петербургского университета,	
преподавал в лицее латынь	52
Ленский А.П. (1847-1908) – актер, режиссер	56
Лермонтов Михаил Юрьевич (1814-1841) – русский поэт	38
Лоренц – профессор педагогического института	55
Людовик XIV (1638-1715) – король Франции с 1643 г.	48
Лютер Мартин (1483-1546) – основатель немецкого	
протестантизма	48
Миллер Н.И. – инспектор Петербургского лицея	36, 46
Милютин Дмитрий Алексеевич (1816-1912) – граф, русский	
генерал-фельдмаршал, профессор. Преподавал в лицее	
полицейское право	49
Мольер (настоящая фамилия и имя Жан Батист Поклен)	
(1622-73) – французский драматург, актер, реформатор театра	40
Монтескье Шарль Луи (1689-1755) – французский	

просветитель, философ, правовед	49, 50
Мороз М.П. (1802-?) – нескученский крестьянин, полевой приказчик	21, 56
Мюнулов – преподаватель немецкой словесности в Петербургском лицее	51
Немирович-Данченко Вл.И. (1858-1943) – театральный деятель, режиссер, сооснователь МХАТ	6, 7, 8
Немирович-Данченко Е.Н. (1858-1938) – старшая дочь Н.А. Корфа, жена Вл.И. Немировича-Данченко	8
Николай I Павлович (1796-1855) – император России	35, 42
Николай II Александрович (1868-1918) – последний император России	57
Нириц – писатель	40
Новоселов – унтер-офицер, служитель Петербургского лицея	41
Оболенский – преподаватель Петербургского лицея	46, 47, 49
Паульсон Иосиф Иванович (1825-98) – русский педагог	30, 57
Песковский М.Л. – биограф Н.А. Корфа	6, 56
Прокопович Феофан (1681-1736) – русский государственный и церковный деятель, писатель	52
Пушкин Александр Сергеевич (1799-1837) – великий русский поэт	35, 38, 54
Пфейфер – учитель домашней школы Градовских	22
Сахаров Иван Петрович (1807-63) – русский собиратель и исследователь фольклора, этнограф, палеограф	43
Смарагдов С.Н. – преподаватель Петербургского лицея	47
Суворин Алексей Сергеевич (1834-1912) – журналист, книгоиздатель	58
Сумбатов-Южин А.И. (1857-1927) – театральный деятель, актер, драматург	56
Таваст Н.Л. – доктор Петербургского лицея	40
Усов – профессор Петербургского университета преподаватель сельского хозяйства в Петербургском лицее	51
Фейербах Людвиг (1804-1872) – немецкий философ-материалист	38
Филиппов Александр Яковлевич – владелец и директор частного учебного пансиона	29-35, 43
Флёри Ламе	40
Франциск I – король Франции	48
Христос (Иисус Христос) – основатель христианства, богочеловек	24, 30, 32, 33
Чебышев Пафнутий Львович (1821-94) – русский математик, академик, основоположник многих новых разделов математики .	51
Шау – преподаватель английской словесности в Петербургском лицее	50, 51

Шварц Владимир – муж сестры Н.А. Корфа Ольги	57
Шварц Владислав – брат Шварца Владимира	57
Шварц (Корф) Ольга (1840-1903) – сестра Н.А. Корфа по отцу	57
Щеглов – преподаватель физики и химии в Петербургском лицее	51
Щепкин С.П. – чиновник Министерства гос. имуществ России	58
Щиглев Р. – преподаватель математики в Петербургском лицее	51
Шульгин И.П. – преподаватель истории в Петербургском лицее	47, 48

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Австрия	48
Австро-Испания	48
Александровск (назв. г. Запорожье до 1921 г.)	5, 6, 9, 10, 56, 57
Андреевка-Клевцово	56
Варшава	5, 12
Великая Новоселка	5, 7, 56
Верро	25, 28, 29, 31, 35
Винница	7
Волчье	19-21, 23, 29, 31
Воронежская губ.	15, 16, 18, 29
Времьевка	5, 6
Днепропетровск	7
Донецк	5, 7, 56
Европа	42, 48, 49
Европа западная	9, 38, 42, 48
Екатеринослав (назв. г. Днепропетровска до 1926)	5, 7, 9, 14, 16, 17, 21, 56, 57
Женева	10, 23, 56
Запорожье	7
Испания	48
Киев	7
Кола	5, 12
Кутаиси	5, 12
Лифляндия	25
Малороссия	18
Мариуполь	5, 7, 56, 57
Мокрые Ялы	6
Москва	7, 10, 14, 16-18, 21, 25, 29, 56
Нескучное	5, 6, 8, 13, 17, 21, 56, 58
Нидерланды	48

Новгород	15-18, 24, 25, 29, 39
Новороссия	5, 12
Одесса	7
Омск	5, 12
Павловское	42
Париж	51
Петербург	5, 10, 14, 16-19, 23, 28, 29, 34, 56, 57
Погромец	20, 21, 23, 56
Рига	24
Рона	23
Россия	10, 12, 23, 38, 42-44, 47, 49
Россия южная	18, 19, 29
Скудное	57
Темировка	56
Триест	52
Украина	6, 7
Франция	38, 48
Харьков	6, 7, 16, 17, 24, 56
Царское Село	36, 46
Швейцария	6, 10, 12
Швеция	48

**КОРФ МИКОЛА ОЛЕКСАНДРОВИЧ
(1834-1883)**

**БІБЛІОГРАФІЧНИЙ ПОКАЖЧИК
2-е видання, виправлене і доповнене**

ПЕРЕДМОВА

Друге видання бібліографічного покажчика, виправлене і доповнене, присвячене 170-річчю з дня народження М.О. Корфа, педагога-просвітника, засновника земських шкіл і шкільних бібліотек.

Відома велика кількість видань праць педагога та літератури про нього, але вони малодоступні пересічному читачеві, тому що знаходяться у фондах великих бібліотек та архівів колишнього СРСР.

Зібрана у покажчику література про життя та діяльність М.О. Корфа (до посібника вміщено ксерокопії праць: звітів, підручників, листів, заповіта та ін.) частково відображує фонди Донецької обласної наукової бібліотеки ім. Н. К. Крупської, Великоновосілківської центральної районної бібліотеки, меморіального музею Вол. І. Немировича-Данченка.

Матеріали у покажчику згруповано у трьох розділах:

I. Праці М. О. Корфа.

II. Література про життя та діяльність.

III. Корфівські читання.

У першому розділі праці педагога розташовані за хронологією написання. У другому – спочатку загальні матеріали за хронологією, а потім за алфавітом авторів. У третьому розділі – за алфавітом.

Допоміжний апарат складає “Перелік установ, де зберігаються документи, наведені в покажчику”.

I. ПРАЦІ М. О. КОРФА

1. ИЗ «ОТЧЕТА об училищах Александровского уезда и Мариупольского округа...», составленного бароном Н. А. Корфом весной 1867 года // Путь к коммунизму. – Великая Новоселка, 1989. – 22 авг., 23 сент.

ДОУНЬ, ЦРЬ, М. Н-Д

2. КОРФ Н.А. Начальные народные училища III училищного участка Александровского уезда 1867-1868 учебного года: (Докл. Александров. уезд. училищ. Совету): Введение // Отчет члена Александровского уездного училищного Совета, Барона Н.А. Корфа. 1868 года. – Екатеринослав: Тип. Я.М. Чаусского, 1868. – С. I-XIX. – Ксерокопия.

М. Н-Д

3. СПИСОК детей мужского и женского пола деревень Времьевки и Нескучной, возрастом от 7 до 15 лет: (из исповедных росписей за 1867 г.) // Отчет члена Александровского уездного училищного Совета, Барона Н.А. Корфа. 1868 года. – Екатеринослав: Тип. Я.М. Чаусского, 1868. – С. 227-238. – Ксерокопия.

М. Н-Д

4. ИЗ «СТАТИСТИЧЕСКОЙ таблицы о расходах земства по народному здравью, образованию и печатанию протоколов по 200 уездам, составленная бароном Н. А. Корфом». – Екатеринослав, 1869. – 8с. – Ксерокопия.

М. Н-Д

5. ОТЧЕТ члена Александровского уездного училищного Совета, барона Н. А. Корфа, за 1869 – 1870 учебный год. – Екатеринослав, 1870. – 175с. – Ксерокопия.

ЦРЬ, М. Н-Д

6. КОРФ Н. А. Письма к К. Д. Ушинскому: [1868-1869 гг.] // Ушинский К. Д. Собр. соч.: В 11 т. – М.; Л., 1952. – Т. 11. – С. 200-203, 204-205.

ДОУНЬ

7. КОРФ Н. А. Педагогический съезд сельских учителей Александровского уезда 111 участка в 1869 г. // Журн. М-ва нар. образования. – 1870. - № 12, ч.152, отд. 4. – С. 201-209. – Ксерокопия.

М. Н-Д

8. КОРФ Н.А. Малютка: Первая книга после азбуки для народной школы и семьи / Барон Н.А. Корф, авт. «руководства к обучению грамоте» рус. нач. шк. и Наш друг. – [СПб.]: Изд. Д.Е. Кожанчикова, 1872. – 117 с., VIII с.: рис. – Ксерокопия.

М. Н-Д

9. КОРФ Н.А. Русская начальная школа: Руководство для земских гласных и учителей сельских школ / С портр. и биогр. авт. – 6-е изд., вновь испр. и доп. – СПб.: Тип. д-ра М.А. Хана, 1879. – С. I-XV, 1-45, 220-225, 252-253, 262-279. – Ксерокопия.

М. Н-Д

10. КОРФ Н.А. Наш друг: Кн. для чтения учащихся в шк. и дома и руководство к начал. обучению родному яз. – [4-е изд.]. – СПб.: Тип. д-ра М.А. Хана, 1880. – I-XXVI, 52-69, 248-256, I-V. – Ксерокопия.

М. Н-Д

11. ПРОГРАММА съезда учителей и учительниц начальных народных училищ Херсонской губернии, под руководством почетного члена Московского университета барона Н. А. Корфа: 1881 г. – Ксерокопия.

М. Н-Д

12. КОРФ Н. А. Письмо из с. Нескучное в Харьковскую губернскую земскую управу по поводу проведения Харьковского губернского съезда учителей. - [Нескучное, 1882. – 2 с.] – Ксерокопия.

М. Н-Д

13. ЗАВЕЩАНИЕ барона Корфа Николая Александровича. – Нескучное, 1882. – Ксерокопия.

М. Н-Д

14. ИЗ “ОТЧЕТА члена Мариупольского уездного училищного Совета барона Николая Александровича Корфа. За 1882—1883 учебный год”. – Мариуполь, 1882. – Ксерокопия.

С.100-103, 182-184:

ЦРБ

С. 14-17, 64-65, 100-103, 152-159, 162-163, 168-171, 176-177,
182-185:

М. Н-Д

15. ИЗВЛЕЧЕНИЕ из отчетной книги библиотеки при Времовской воскресной повторительной школе // Отчет члена Мариупольского уездного училищного Совета барона Николая Александровича Корфа. За 1882-1883 учебный год. – Мариуполь, 1882. – С. 168-169. – (Прил. №6). – Ксерокопия.

ЦРБ, М. Н-Д

16. ОТЧЕТНАЯ книга библиотеки // Отчет члена Мариупольского уездного училищного Совета барона Николая Александровича Корфа. За 1882-1883 учебный год. – Мариуполь, 1882. – С. 170-171. – (Прил. №7). – Ксерокопия.

ЦРБ, М. Н-Д

17. КОРФ Н. Народные библиотеки // Народная школа: Пед. журн. – 1883. – № 9 (сент.). – С. 15-18. – Ксерокопия.

М. Н-Д

18. КОРФ Н.А. Хлебный жук (Кузька): Чтение для народа. – СПб.: Тип. д-ра М.А. Хана, 1883. – 16 с.: 2 рис. – Ксерокопия.

М. Н-Д

19. КОРФ Н. А. Предисловие к 9-му изданию книги «Наш друг». – Ксерокопия.

М. Н-Д

20. КОРФ Н. А. Предисловие к 12-му изданию книги «Наш друг». – Ксерокопия.

М. Н-Д

21. КОРФ Н.А. Наш друг: Кн. для чтения в шк. и дома. – 12-е изд., доп. 30-ю хрестоматическими статейками и 117 новыми политипажками. – СПб.: Тип. А.М. Котомина и К⁰, 1884. – XV, 264 с.: 227 рис. – Ксерокопия.

М. Н-Д

22. КОРФ Н.А. Из пережитого: Записки барона Н.А. Корфа // Русская старина. – 1884. – Т. 41. – Март. – С. 545-574; Т. 42. – Апр. – С. 131-138; Май. – С. 375-388.

ДОУНЬ, М. Н-Д

II. ЛІТЕРАТУРА ПРО ЖИТТЯ ТА ДІЯЛЬНІСТЬ

23. СЕМЕНОВ Д. Педагогические очерки школ Александровского уезда: Письмо 2-е. Майорская школа: [О шк., открытой Н.А. Корфом] // Народная школа. – 1871. - № 12. – С. 13-19. – Ксерокопия.

М. Н-Д

24. ЗИМЧЕНКО Н. Барон Николай Александрович Корф // Русские современные деятели: Сб. портр. замечат. лиц настоящего времени, с биограф. очерками. – СПб.: Изд. А.О. Баумана (Тип. Н.А. Лебедева), 1878. – Т. 4. – С. 81-95. – Ксерокопия.

М. Н-Д

25. РОД баронов Корфов // Список к титулованным родам и лицам Российской империи. – СПб., 1892. – С. 131-132. – Ксерокопия.

М. Н-Д

26. ПЕСКОВСКИЙ М. Л. Барон Николай Александрович Корф в письмах к нему разных лиц // Русская старина. – 1894. – Апр. – С. 60-94; Май. – С. 115-143; Июнь. – С. 135-202; 1895. - Т.83. – Янв. – С. 183-200. – Ксерокопия.

М. Н-Д

27. ВАСИЛЕНКО Н. Корф (барон Николай Александрович) // Энцикл. словарь / Изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1895. – Кн. 31, т. 16: Конкорд – Коялович. – С. 355-356.

ДОУНЬ

28. СЕМЕНОВ Д. Барон Николай Александрович Корф // Острогорский В., Семенов Д. Д. Русские педагогические деятели: Н. И. Пирогов /В. Острогорского; К. Д. Ушинский /его же; Н. А. Корф/ Д. Семенова. – 3-е изд. – СПб., 1914. – С. 62-65, 1 портр. – Ксерокопия.

ЦРБ, М. Н-Д

29. КОРФ Николай Александрович // БСЭ. – [1-е изд.]. – М.: Сов. энцикл., 1937. – Т. 34. – Стб. 392.

ДОУНЬ

30. КОРФ Николай Александрович // БСЭ. – 2-е изд. – М.: БСЭ, 1953. – Т. 23. – С. 78.

ДОУНЬ, ЦРБ

31. СТЕПАНОВ С. Г. Корф Н. А. // Пед. энцикл.: В 4 т. – М., 1965. – Т.2. – С. 507-508.

ДОУНЬ

32. КОРФ Николай Александрович // БСЭ: В 30 т. – 3-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1973. – Т. 13. – С. 223.

ДОУНЬ, ЦРБ

33. НИКОЛАЙ Александрович Корф (1834-1883) // Антология педагогической мысли Украинской ССР. – М.: Педагогика, 1988. – С. 186-201.

ДОУНЬ, ЦРБ

34. НИКОЛАЙ Александрович Корф (1834-1883) // Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX в. – М.: Педагогика, 1990. – С. 194-202.

ДОУНЬ, ЦРБ

35. КОРФ Н. А. // Рос. пед. энцикл.: В 2-х т. – М., 1993. – Т. 1.: А-М. – С. 472.

ДОУНЬ

36. ПЕСКОВСКИЙ М.Л. Барон Н. А. Корф, его жизнь и педагогическая деятельность: [В сокр.] // Альтернатива. – Угледар, 1993. – 12-18 июля. – (Б-чка «Альтернативы»).

ДОУНЬ, ЦРБ, М. Н-Д

37. КОРФ Николай Александрович // Рус. биограф. слов. – Репринт. воспроизведение изд. 1903 г. – М., 1995. – [Т. 12]: Кнаппе-Кюхельбекер. – С. 292-293.

ДОУНЬ

38. ВАСИЛЕНКО Н. Корф (барон Николай Александрович) // Энцикл. словарь Брокгауз и Ефрон: Биографии. – М.: Большая Рос. Энцикл., 1997. – Т. 6.: Клейрак-Лукьянов. – С. 254-255.

ДОУНЬ

39. КОРФ Микола Олександрович // Гончаренко С.У. Український педагогічний словник. – К.: Либідь, 1997. – С. 178.

ДОУНЬ

40. Н. А. КОРФ (1834-1883) // История родного края (Ч. 1.): Учеб. пособие для 6-9 кл. / А. В. Колесник, В. А. Пирко, С. М. Нестерцова, Е. В. Щербинина. – Донецк: Кардинал, 1998. – С. 238-240.

ДОУНЬ, ЦРБ, М. Н-Д

41. КОРФ Николай Александрович // Всемир. биограф. энцикл. слов. – М.: Большая Рос. Энцикл., 1998. – С. 374.

ДОУНЬ

42. ВАСИЛЕНКО Н. Корф Николай Александрович // Рус. Биограф. слов.: В 20 т. – М.: Терра – кн. клуб, 1999. – Т. 8: Кабанов-Косой. – С. 452-454.

ДОУНБ

43. КОРФ Николай Александрович (1834-1883): Рос. педагог // Жизнь замечат. людей: VII в. до н. э. – XIX в.: Философы, писатели, художники, государств. и обществ. деятели, ученые, путешеств., полководцы: В 3-х т. – М.: Олма-пресс, 2001. – Т. 3: XVIII-XIX вв. – С. 683-688, портр. – (Биографич. б-ка Ф. Павленкова).

М. Н-Д

* * *

44. АЛЬТЕР М. С. Нескучное // Донбасс. – 1968. – № 6. – С. 107-110.

ДОУНБ, М. Н-Д

45. АЛЬТЕР М. С. Продолжение Нескучного // Донбасс. – 1978. - №6. – С. 90-95.

ДОУНБ

46. АЛЬТЕР М. Слезы Нескучного, или о том как загубили единственную в Донбассе лит.-театр. усадьбу: [В с. Нескучное Великоновоселковского р-на. А также о педагоге-просветителе Н.А. Корфе] // Жизнь. – Донецк, 1995. – 26 дек.

ДОУНБ

47. БАНК Б. В. Изучение читателей в России (XIX в.). – М.: Книга, 1969. – 262 с.

Корф Н. А.: с. 9, 62-70, 72, 73, 76, 77, 83, 87, 90, 102, 109, 110, 112, 123, 143, 175, 176, 186, 199, 204, 220, 254.

ДОУНБ

48. БАРАТОВ А. П. Материалы из архивов МХАТ и Музея-квартиры Вл. И. Немировича-Данченко к проведению вечера, посвященного памяти барона Н. А. Корфа. – М., 1995. – 51с. – Машинопись.

М. Н-Д

49. БАРОН Николай Александрович Корф: Листок-сигнал / Дон. гос. обл. универс. науч. б-ка им. Н. К. Крупской. Науч.-метод. отд.; Сост. Н. П. Авдеенко. – Донецк, 1993. – 6 л. – (Возвращенные имена Донетчины). – Библиогр.: с. 5-6 (10 назв.)

ДОУНБ, ЦРБ

50. БОНДАРЕВ Л. Я. Советы Корфа Н. А. учителю земской школы // Донбасс: прошлое, настоящее, будущее: К 160-летию известного педагога и просветителя Н. А. Корфа. – Донецк: РИП «Лебедь», 1995. – С. 18-20.

ДОУНБ, ЦРБ, М. Н-Д

51. БУГАЕВ А. С. Н. А. Корф – педагог и просветитель // Там же. – С. 11-13.

ДОУНБ, ЦРБ, М. Н-Д

52. БУГАЕВ А.С. Культурная усадьба Донбасса: [О доме Н.А. Корфа в с. Нескучное, Великоновоселк. р-на и о нем] // Междунар. науч.-практ. конф. (докл., тез., выступления), г. Донецк, 16-17 дек. 2003 г.: Рекомендации / Донец. обл. совет профсоюзов. – Донецк, 2003. – Ч. 1. – С. 56-61.

М. Н-Д

53. БУГАЕВ А. С. Он работал для будущего // Весть. – Донецк, 1995. – 1 февр.

ДОУНБ

54. БУГАЕВ А. С. Степная усадьба: Музей В. И. Немировича-Данченко // Донбасс. – 1999. – Сент. – Окт. [№9/10]. – С. 68-72. – (Спецвыпуск).

Корф Н. А.: с. 68-70.

М. Н-Д

55. БУГАЕВ А. С. Усадьба «Нескучное»: [О доме Н. А. Корфа] // Летопись Донбасса: Краевед. сб. Юбилейный/Дон. обл. краевед. музей. – Донецк: Донбас, 1994. – Вып. 2. – С. 63-66.

ДОУНБ, М. Н-Д

56. ВЕРИЖНИКОВА Г. А. Организатор земской народной школы Н. А. Корф: К 160-летию со дня рождения // Нач. шк. – 1994. - №11. – С. 59-63.

ДОУНБ

57. ГЛАДЧУК А. А. Идеи Н. А. Корфа и современные проблемы изменения содержания образования // Донбасс: прошлое, настоящее, будущее: К 160-летию известного педагога и просветителя Н. А. Корфа. – Донецк: РИП «Лебедь», 1995. – С. 118-124.

ДОУНБ, ЦРБ, М. Н-Д

58. ГОРДОН Г. Учебник и его значение в школьной работе. 2. История учебных книг // Пед. энцикл.: В 3-х т. / Под ред. А. Г. Калашникова. – М., 1927. – Т. 1. – С. 627-639.

Корф Н. А.: с. 630.

ДОУНБ

59. ГРОСОВ А. Николай Корф – организатор первой в России начальной школы: 14 июля исполняется 165 лет со дня рождения нашего земляка – прогрессивного педагога // Жизнь. – Донецк, 1999. – 14 июля.

ДОУНЬ, ЦРБ

60. ГУРОВА С. Дом в Нескучном // Веч. Донецк. – 1995. – 21 февр.

ДОУНЬ

61. ДОНБАСС: прошлое, настоящее, будущее: К 160-летию известного педагога и просветителя Н.А. Корфа: Тез. докл. и сообщ. III регион. науч.-практич. конф. (22 дек. 1994 г.) – Донецк: РИП «Лебедь», 1995. – 292 с.

Разд.: Н.А. Корф – педагог и просветитель (к 160-летию со дня рождения). – С. 11-20.

ДОУНЬ, ЦРБ, М. Н-Д

62. ЕГОРОВ С. Ф. Выдающийся русский педагог второй половины XIX века // Совет. педагогика. – 1984. - №8. – С. 102-108.

ДОУНЬ, М. Н-Д

63. КАЛЕНИЧЕНКО Н. П., Ильченко Ж. Д. Роль земств у впровадженні навчання рідною мовою в народній школі України [кінець XIX – початок XX ст.] // Укр. іст. журн. – 1994. - №1. – С. 72-81.

Корф М. О.: с. 73, 75, 77, 80.

ДОУНЬ, ЦРБ

64. КРЫЖНАЯ Ж. Подвижники народного просвещения: К 160-летию со дня рождения барона Н. А. Корфа // Донбасс. – 1994. – 10 июня.

ДОУНЬ, ЦРБ

65. ЛИХАЧЕВА Л. Б., Нестерцова С. М. Земские школы Екатеринославской губернии в конце XIX – нач. XX вв. // Новые страницы в истории Донбасса: Ст. – Донецк: Донбас, 1992. – Кн. 1. – С. 77-89.

Корф Н. А.: с. 77, 81, 82, 84, 88.

ДОУНЬ, ЦРБ, М. Н-Д

66. ЛЯШЕНКО Л.И. Вони працювали з Корфом // Літопис Донбасу. Краєзн. зб.– Донецьк, 2003. – Вип. XI. – С. 106-113.

М. Н-Д

67. ЛЯШЕНКО Л.И. Время возвращать долги: К 160-летию со дня рождения Н. А. Корфа // Альтернатива. – Угледар, 1994. – 9 июля.

ДОУНЬ

68. ЛЯШЕНКО Л. И. Жила в Павловке девочка...: [О деятельности Н. А. Корфа] // Альтернатива. – Угледар, 1994. – 26 марта.

ДОУНЬ

69. ЛЯШЕНКО Л. И. «Николай Александрович нашел меня способным»: наш земляк Н. А. Корф // Рідний край: Історико-краєзн. альм. – 1997. - №2/3, Ч. 1. – С. 49-53.

ДОУНЬ, ЦРЬ, М. Н-Д

70. ЛЯШЕНКО Л. И. Пакет из Запорожья: [Новые материалы в домемузее с. Нескучное] // Сел. край. – Великая Новоселка, 1999. – 27 окт.

ДОУНЬ, ЦРЬ

71. ЛЯШЕНКО Л.И. Просветитель из Нескучного: (К 150-летию со дня рождения Н.А. Корфа) // Путь к коммунизму. – Великая Новоселка, 1984. – 28 апр., 4, 5, 12 мая.

ДОУНЬ, ЦРЬ, М. Н-Д

72. ЛЯШЕНКО Л.И. Путь длиною в век: К 100-летию нескучненской школы. I ч. Н.А. Корфу посвященная // Сел. край. – Великая Новоселка, 1995. – 22 нояб.

ДОУНЬ, ЦРЬ, М. Н-Д

73. ЛЯШЕНКО Л. Создатель знаменитой усадьбы: [К 170-летию со дня рождения Н.А. Корфа] // Сел. край. – Великая Новоселка, 2004. – 17 апр. (№ 30). – (18 апр. – День памятников истории и культуры).

ДОУНЬ, ЦРЬ, М. Н-Д

74. ЛЯШЕНКО Л. Сподвижники: [Об учительнице Времьев. шк. Софье Горянской – сподвижнице Н. А. Корфа] // Сел. край. – Великая Новоселка, 1999. – 27 окт.

ДОУНЬ, ЦРЬ

75. ЛЯШЕНКО Л.И. Школа имени Корфа: (К 100-летию со дня рожд. Нескучненской шк.) // Летопись Донбасса: Краевед. сб. – Донецк, 1995. – Вып. 3. – С. 10-13.

ДОУНЬ, М. Н-Д

76. МАЗУР П. Діти України: Туга за укр. степом // Донеччина. – 1994. – 24 берез.

ДОУНЬ

77. МАЗУР П. И. Единомышленник и последователь К. Д. Ушинского // Совет. педагогика. – 1984. - №8. – С. 109-113.

ДОУНЬ, М. Н-Д

78. МАЗУР П. Н. А. Корф: «Готов служить народной школе» // Комсомолец Донбасса. – 1984. – 3 июля.

ДОУНБ

79. МАЗУР П. І. “Незабутній керівник і друг...” // Рад. школа. – 1985. - №7. – С. 85-88.

ДОУНБ

80. МАЗУР П. Перший акт драми: Невідома сторінка з життя М. О. Корфа: [Про інспекторську перевірку грецьких шкіл] // Донеччина. – 1997. – 28 серп.

ДОУНБ, ЦРБ

81. МАЗУР П. Сестри: [Про М. О. Корфа, його дочку та племінниць] // Донеччина. – 1997. – 13 лют.

ДОУНБ

82. МАЗУР П. У пам'ять М. Корфа // Рад. Донеччина. – 1984. – 8 лип.

ДОУНБ

83. МАНДРЫКИНА Т. С. Текст выступления преподавателя Бердянского пед. ин-та на конференции в с. Нескучное, посвященной 150-летию со дня рождения Н. А. Корфа. – Нескучное, 1984. – 3л. – Машинопись.

М. Н-Д

84. МОЗГОВОЙ В.И., Ляшенко В.Г. История и судьбы: Крат. биогр. справки выдающихся деятелей Донбасса // Мозговой В.И., Ляшенко В.Г. Там, где было Дикое поле... – Донецк: Фирма «Кардинал», 2001. – 336 с.: ил. Корф Н.А.: с. 263.

ДОУНБ

85. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО Вл. И. Рождение театра: Воспоминания, ст., заметки, письма. – М., 1989. – 576 с., 8л. ил. Корф Н. А.: с. 53-55.

ДОУНБ, ЦРБ, М. Н-Д

86. ОСОСКОВ А. В. Начальное образование в дореволюционной России (1861-1917): Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1982. – 208с.

Корф Н. А.: с. 25, 46, 58, 63, 64, 71, 75, 81, 82, 204.

ДОУНБ, М. Н-Д

87. ПРОЦЕНКО А. Записки мариупольского краеведа: строки, имена, находки. – 2-е изд., испр. и доп. – Мариуполь, 1993. – 136с.

Корф Н. А.: с. 126-128.

ДОУНЬ, М. Н-Д

88. ПУТІВНИК по садибі М. О. Корфа і Вол. І. Немировича-Данченка/ДОКМ; Укладачі О. С. Бугайов та Л. І. Ляшенко. – Донецьк; Нескучне, 1998. – 16 с., 2 портр., іл.

ДОУНЬ, ЦРБ, М. Н-Д

89. РАГОЗИН Н. П. Н. А. Корф и дело народного образования в Екатеринославском земстве // Донбасс: прошлое, настоящее, будущее: К 160-летию известного педагога и просветителя Н. А. Корфа. – Донецк: РИП «Лебедь», 1995. – С. 14-17.

ДОУНЬ, ЦРБ, М. Н-Д

90. РОЗВИТОК народної освіти і педагогічної думки на Україні (X – поч. XX ст.): Нариси/Редкол.: М. Д. Ярмаченко (відп. ред.) та ін. – К.: Рад. шк., 1991. – 381с.

Корф М. О. : с. 139, 149, 257.

ДОУНЬ

91. РУБИНШТЕЙН Л.А. Книга рекордов Донбасса. – Донецк: ЕАИ-Пресс, 2002. – 304 с.

Корф Н.А.: с. 45.

ДОУНЬ

92. САЙКО А. Т., Бондарук В. И. Наш земляк – Николай Александрович Корф // Пед. скарбниця Донеччини. – 1996. - №4. – С. 60-61.

ДОУНЬ, ЦРБ

93. САЯПНА С. А. Забуті імена Донбасу: Микола Олександрович Корф // Теорія та практика професійної підготовки вчителя до краєзнавчої роботи: Матеріали Всеукр. наук.-практ. конф. – Слов'янськ, 1996. – С. 31-32.

ДОУНЬ

94. САЯПНА С. А. М. О. Корф і земська концепція народної освіти другої половини ХІХ ст. в Україні // Гуманізація навчально-виховного процесу: Наук.-метод. зб. / Слов'ян. держ. пед. ін-т; Уклад. В. І. Сипченко. – Слов'янськ, 1998. – Вип. ІV. – С. 121-124.

ДОУНЬ

95. САЯПНА С. А. Проблема особистості вчителя в педагогічній спадщині М. О. Корфа: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Луган. держ. пед. ін-т ім. Т. Г. Шевченка. – Луганськ, 1998. – 18с.

М. Н-Д

96. СОЛОВЬЕВА И. Немирович-Данченко. – М., 1979. – 408с.
Корф Н. А.: с. 45-46, 65-66, 401-402.

ДОУНЬ, М. Н-Д

97. СТРУМИНСКИЙ В. Я. Употребление «Родного слова» в начальных русских школах 60-х годов [XIX в.] // Ушинский К. Д. Пед. соч.: В 6-ти т. – М., 1989. – Т. 4. – С. 505-508.

ДОУНЬ, ЦРБ

98. ТОЛСТИХИНА А. Странствующий наставник: [О Н. А. Корфе] // Первое сент. – 1995. – 29 июня.

ДОУНЬ

99. УШИНСКИЙ К. Д. Пед. соч.: В 6-ти т. /Сост. С. Ф. Егоров. – М., 1998. – Т.1. – 416 с.
Корф Н. А.: с. 400-401.

ДОУНЬ, ЦРБ

100. УШИНСКИЙ К. Д. Письма к Н. А. Корфу // Ушинский К. Д. Собр. соч.: В 11 т. – М.; Л., 1952. – Т. 11. – С. 203-217.

ДОУНЬ

101. ТО ЖЕ //Ушинский К. Д. Пед. соч.: В 6 т. – М., 1988. – Т.2. – С. 472-480.

ДОУНЬ, ЦРБ

102. ЧЕХОВ Н. В. Исторический очерк начального образования в России до революции. 4. Эпоха земской школы // Пед. энцикл.: В 3-х т. – М., 1928. – Т.2. – Стб. 120-124.

ДОУНЬ

103. ШАВКУНЕНКО С. М. Письмо жителя с. Нескучное к Вл. И. Немировичу-Данченко с приложением краткой истории села Нескучного. – [1914 г.] – 8с. – Ксерокопия.

М. Н-Д

104. ШАГИНЯН М. Лениниана: Семья Ульяновых. Тетралогия. Очерки и статьи. – М.: Мол. гвардия, 1977. – 816с.
Корф Н. А.: с. 102-106.

ДОУНЬ, ЦРБ

105. ШОКОТКО В. А., Кривошеева Г. Л. Педагогическая деятельность и взгляды Н. А. Корфа // Тез. докл. вуз. конф. проф.-преподават. состава по итогам науч.-исслед. и метод. работы: Философия, педагогика, психология,

физвоспитание, подгот. фак. (г. Донецк, апр. 1995 г.) / ДОНГУ. – Донецк, 1995. – С. 68-69.

ДОУНЬ

II.1 КОРФ М. О. – ТВОРЕЦЬ БІБЛІОТЕК

Див. також: № 5. – С. 65-67, 128-129, 146-147.
№№ 14-17, 47, 51, 59, 111, 117-119, 124.

106. БУГАЕВ А. С., Клименко Л. Е. Барон Н. А. Корф – создатель библиотек: [историч. справка]. – Великая Новоселка; Нескучное. – 1995. – 6 с. – Библиогр.: с. 5-6 (16 назв.)

ЦРБ, М. Н-Д

107. БУГАЕВ А. С. Н. А. Корф – создатель библиотек: К 160-летию со дня рождения Н. А. Корфа // Сел. край. – Великая Новоселка, 1994. – 16 июля.

ДОУНЬ, ЦРБ, М. Н-Д

108. ГРОСОВ О. Дивосвіт бібліотек: Нариси, вірші, статті. – Донецьк: ПП “Вид. будинок “Перша лінія”, 2001. – 92 с. – Из змісту: Внесок педагога і просвітителя М.О. Корфа в розвиток бібліотечної справи на Донеччині. – С. 42-45.

ДОУНЬ, ЦРБ

109. ЗАЙКА В. Старейшая сельская библиотека области – Великоновоселковская – отметила недавно свое 130-летие // Донбасс. – 1998. - №16.

ДОУНЬ, ЦРБ

110. ЛЯШЕНКО Л. И. Вечер трех юбилеев: [О 125-летнем юбилее Времьев. сел. б-ки, созданной Н. А. Корфом] // Альтернатива. – Угледар, 1993. – 25-31 окт.

ДОУНЬ, ЦРБ

III. КОРФІВСЬКІ ЧИТАННЯ

111. БУГАЕВА Н. Его имя золотыми буквами вписано в историю Донбасса: [Об Н.А. Корфе, О III обл. корфов. чтениях] // Смотри в оба. – Донецк, 2002. – 30 авг. (№ 33). – С. 3.

ДОУНЬ, ЦРЬ

112. В ВЕЛИКОЙ Новоселке состоялись [III] корфовские чтения // Жизнь. – Донецк, 2002. – 19 июля.

ДОУНЬ, ЦРЬ

113. ГРОСОВ А. Из нынешнего дня – в прошлое: [вторые обл. библиотечные корфовские чтения] // Сел. жизнь. – Донецк, 1999. – 6-12 дек. – С. 2.

ДОУНЬ, ЦРЬ

114. ГРОСОВ О. Корфовські читання: [у Великоновосілк. р-ні] // Світлиця. – 1998. – 4 груд. – Дод. до газ. “Донеччина”.

ДОУНЬ

115. ГРОСОВ А. Просветитель народа: [О первых корфовских чтениях в В-Новоселке] // Наш край. – Донецк, 1998. – Ноябрь. (№21).

ДОУНЬ

116. ГРОСОВ А. Село Нескучное: корфовские чтения // Сел. жизнь – Донецк, 1998. – 16-22 нояб. - №45.

ДОУНЬ, ЦРЬ

117. ДЕЛО Корфа продолжается: [В В-Новоселк. р-не прошли корфовские чтения, посвящ. 130-летию Времьев. сел. б-ки] // Донбасс, 1998. – 31 окт.

ДОУНЬ, ЦРЬ

118. ЖУКОВА Т. Великая Новоселка приняла библиотекарей области [на III обл. библиотечные корфовские чтения] // Акцент. – Донецк, 2002. – 17 июля.

ДОУНЬ, ЦРЬ

119. М.О. КОРФ і розвиток бібліотечної справи на Донеччині: Матеріали II обл. Корфов. бібліотечного читання, 14-15 жовт. 1999 р. / Донец. ОУНБ ім. Н.К. Крупської, Донец. обл. бібліот. асоц.; Упоряд. О.Я. Гросов. – Донецьк, 2000. – 16 с.

ДОУНЬ, ЦРЬ

120. ПЛАТОНЕНКО С. Выдающийся просветитель, писатель, помещик...: В Мариуполе в четвертый раз состоялись чтения, посвящ. Николаю Корфу // Жизнь. – Донецк, 2003. – 12 июля.

ДОУНЬ, ЦРЬ

121. ПЛАТОНЕНКО С. Писатель, просветитель, барон: [IV корф. чтения] // Деловые вести. – Донецк, 2003. – Авг. (№ 15). – С. 12.

ДОУНЬ

122. СОЛДАТЕНКО Н. Первые корфовские чтения [состоялись в с. Нескучное В-Новоселк. р-на] // Донбасс, 1998. – 26 нояб.

ДОУНЬ, ЦРБ

123. ФЕДОРОВ В. III областные корфовские чтения [в Великой Новоселке] // Сел. край. – Великая Новоселка, 2002. – 17 июля.

ДОУНЬ, ЦРБ

124. ЧЕРДАКЛИ Г. «Ваше имя будит не одно сонное земство»: В районе прошли I корф. чтения, посвящ. 130-летию создания первых библиотек // Сел. край. – Великая Новоселка, 1998. – 18 нояб.

ДОУНЬ, ЦРБ

125. ЧЕРДАКЛИ Г. Встречаясь с прошлым, видеть будущее: В районе прошли вторые обл. корфов. чтения // Сел. край. – Великая Новоселка, 1999. – 20 окт.

ДОУНЬ, ЦРБ

**ПЕРЕЛІК УСТАНОВ, ДЕ ЗБЕРІГАЮТЬСЯ ДОКУМЕНТИ,
НАВЕДЕНІ В ПОКАЖЧИКУ**

ДОУНБ – Донецька обласна універсальна наукова бібліотека ім. Н. К. Крупської

№№ 1, 6, 22, 27, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 44, 45, 46, 47, 49, 50, 51, 53, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 104, 105, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125.

ЦРБ – Центральна районна бібліотека Великоновосілківської ЦБС

№№ 1, 5, 14, 15, 16, 28, 30, 32, 33, 34, 36, 40, 49, 50, 51, 57, 59, 61, 63, 64, 65, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 80, 85, 88, 89, 92, 97, 99, 101, 104, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 116, 117, 118, 119, 120, 122, 123, 124, 125.

М. Н-Д – Меморіальний музей Вол. І. Немировича-Данченка, село Нескучне Великоновосілківського району

№№ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 36, 40, 43, 44, 48, 50, 51, 52, 54, 55, 57, 61, 62, 65, 66, 69, 71, 72, 73, 75, 77, 83, 85, 86, 87, 88, 89, 95, 96, 103, 106, 107.